

21 1962

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РАСТА В КТОТО НЕТТОС

Из дневника секретаря Октябрьского райкома комсомола г. Москвы

Сегодня исполнился год, как я секретарь райкома. Был научным работником, стал комсомольским. Поначалу казалось, никогда не применим к такой перемене. В лаборатории все было ясно и, главное, конкретно. Вокруг точные приборы, на которых можно измерить все, что угодно. Перед тобой конкретный эксперимент, четкая тема. Закончил тему — поставил точку. А в райкоме... Дискретно встреч на день, заседания, рейды, и никакой прибором не проверяешь результат своей работы. В чем он? Может, в выполнении государственных планов или в убытках заводских ребят? Как определить это? Где поставить точку?

Здесь жизнь бежит стремительно вперед, и никакие точки не поставишь. Поначалу первый успех: вся страна подкарляла полны комсомольцев нашего Октябрьского района — каждому приготовило личной трудовой подарок ХХII съезду КПСС. Мне тогда хотелось крикнуть: «Слава!» мгновенно! Но куда остановиться мгновенно — каими бы оно прекрасным ни было — значит: остановить жизнь...

И все-таки лаборатория и сейчас мне кое в чем помогает. Помогает привычка к эксперименту и поиску, приобретённая в ее стенах.

На днях мы провели один такой экспе-
Решив встретиться с так называемыми «труднодоступными», а попросту говоря, с засекреченными отделений милиции. Долго спорили о том, как их приглашать. Кто-то предлагал сделать это через участковых. Но тут же раздался хор возмущенных голосов. В конце концов послали каждому билетик с золотым тиснением: «Дорогой друг, приглашаем тебя на вечер в клуб «Новатор».

Шли из райкома в клуб и гадали: явятся приглашенные или нет? Подходим к «Новатору», смотрим, тиснула по билету, по тисне. Кого-то на самые глаза надвинуты, воронники подтянуты.

— Идут наши, — с радостью, словно увидел долгожданных друзей, говорит Лева Кузавев, который отвечает за этот вечер.

Входя в фойе, слышу разговор двух парней.
— Ты кто такой сюда?

— Да вот повесточку прислали, — отвечает и показывает билет с надписью «Дорогой друг...» «Профессиональные термины, ничего не подделавшие...

Зал на пятисот мест оказался полон. На сцене — боец Чапаевской дивизии Попов (про-

тотип фурамановской Ании-пулэматчицы), участник гражданской войны генерал-полковник Хлебников, писатель Лапин. Начала «Анка» Попову в глаза у ребят интерес. Говорилка Волова с огоньком. Но напряженным ожидание, «нет бы чего не вышло, не оставило меня». За чапаевской выступил генерал Хлебников. И вот тут-то произошел инцидент. Встает из середины зала двое и направляются к сцене. Вернее, не к сцене, а к выходу, что рядом с ней. И хотя вышла джарва и в конце зала, эти двое решили продемонстрировать свой уход зсом.

— Неудобно, — говорю, — товарищи, получается. Кончит генерал говорить, тогда и выйдете...

Идут, не обращая внимания. И тут вдруг из зала шепоток:

— А ну, вы, садитесь.
Парни где шли, там и сели. На их счастье, в первом ряду нашлись места. Просидели «демонстранты» все вечер, голов не повернули. Слово припилили к стульям.

После генерала выступил новатор Юрий Гомини. Говорил о больших делах молодежи. Потом был кинофильм, и на него тоже остались все. Никто не ушел.

Нелепо, конечно, утверждать, что все, что было на этом вечере, вышло из клуба «перво-воспитанники». Но мне кажется, что тамне ширине встречи надо устраивать площадки. Ведь у нас как обычно бывает? На всех мероприятиях присутствует только акция, то есть люди, которые и без того каждый день живут комсомольскими делами. Получается нечто вроде короткого замыкания — актив воспитывает актив. А за пределами этого в общем-то небольшого круга активистов остается огромная масса молодых людей. Остаются те, с кем надо работать в первую очередь. Однако сидит где-то в нас боязнь: а вдруг со-рвется неоригинальный Актинисты — люди дисциплинарные, придут всегда. Прогляди же, скажем, широкие массы — они могут и не собраться.

нас много форм борьбы с нарушителями общественного порядка: дружина, индустриально-шестов и т. п. Но, может быть, нужно просто проявлять больше доверия к этим людям, смелее привлекать их к нашим комсомольским делам! Приглашать на встречи давать поручения. Наш опыт полностью подтверждает правильность такой линии. Не могут не загореться ребята. Ведь кругом столько интересных дел!

С утра прибегала ко мне девушка, секретарь школьного комитета комсомола. И с места в карьер:

— Помогите, Саша. Гадость у нас в школе... Вытаскивая из потропанного портфелика книгу тетрадь. Я было хотел раскрыть тетрадь, но девушка тут же аозвала:

— Нет, нет, только при мне не читайте. Потом там такая пакость... Я уйду — прочитайте. Прямо не знаю, что делать...

И словно боясь, что я все-таки раскрою при ней эту алошастную тетрадь, выбежала из кабинета, даже не попрощавшись.

После ее ухода навалился «текушка», и я так и не смог проглядеть тетрадь в райкоме. Прочитал только сейчас, дома. На душе как-то посерело.

Аккуратный ученический лочерк. Первая страница — заглавие «Угар». Еще несколько страниц — новый заголовок: «Патология». Дальше — «Патоническая любовь». Это все короткие рассказы. Обнаженная душевная нищета. Не верится, что написал это шестидесятилетний парнишка. Десятниклассик. Так и астет перед глазами какой-то болезненный тизматизм, который глушит сери эмоци-черным кофе и декларирует знакомым девичьим «поэзи» Северянина. В классе дериниста осознанием, непонятием и разочарованным. Обязательно вызвать автора тетради в райком. Поговорить.

Сегодня чуть было товарищи не потеряли Володо Калинин, бригадир с «Брасного» пролетария. Гордист райкома. Красивец двухметрового роста. В плечах — косяя сажень. Его бригаде — одна из лучших в районе.

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

В общем, чреда редко наделяет так щедро одного человека и физической красотой, и душевной, и азартом, огнем в работе. И вдруг под вечер зашел в район какой-то скучный, усталый.

— Ухожу с завода!

И это Володя Калинин! Тот самый, что говорил всегда, к месту и не к месту, «мы красноревольгаты», который пришел на завод со школьной скамьи, окончил техникум и вот сейчас учится в заводском институте.

— Ухожу, окончательно и бесповоротно, — хлопнул он широкой ладонью по столу, словно припечатывая свое решение.

— Почему? — спрашиваю.

— Зарплату бригаде срезали на двадцать рублей. — Он сморщился, махнул рукой. — Не в зарплате, конечно, дело, Саша. Ухожу в НИИ — там буду еще на десять рублей меньше получать.

— Так в чем же тогда дело?

— В элементарном внимании к рабочему человеку. Поставили автоматы. Сам знаю, что с автоматикой временно снижается зарплата. Временно. Отладится автомат, тогда и больше денег можно заработать. Все это я знаю. Но есть же у нас на заводе директор, начальник цеха. Науку трудно в обеденный перерыв, что ли, зайти, объяснить все это? Так ведь никто не пришел...

Ну, что я ему мог на это ответить! Парень адекват и сам все понимает. Я сказал только, что уйти — самый легкий выход. И вообще менять «Красный пролетарий» на какой-то НИИ нелепо. Тут же интересней. А он, посерев лицом, затворился о другой обиде:

— Понимашь, у меня в бригаде все ребя-

Заседание бюро райкома окончилось, а разговор Александра Владиславлева (на снимке слева) с внештатным секретарем райкома Володей Исаевым продолжается.

та рационализаторы. Но их предложения часто под сучью идут. Думаешь, начальник бригады — бюрократ! Совсем нет. Просто ребята порой не над тем голову ломают, не там рационализацию предлагают, где заводу прежде всего необходимо. А о том, что нужно, им никто не говорит. Вот и крутятся мысль зловещую.

Да, он был во многом прав. Не умеем мы еще зачастую объяснить людям, что к чему. Убедить словом, а не приказом. Ведь «наука убеждает», пожалуй, последнее многих «точных» наук. Долго я объяснял все это Калинин. Под конец он сказал: «Посмотрю, может, останусь...» А я обещал поговорить с директором и начальником цеха.

...Приходил автор тетради. Он оказался совсем не таким, каким представлялся мне. Высокий, крепко сбитый, симпатичный парень. В таких девчата и без Севериной влюбляются. Добрые глаза. Открытая, неманожко горькая улыбка. Здороваясь. Крепкая рука. Представился: заместитель секретаря комитета комсомола школы по политико-воспитательной работе.

Вот тебе и раз!

Прямо и не знал, с чего начать разговор. Не мог представить, что вот эта сильная рука выводитла немощные слова в тетради. Начал он сам, мигнувшись взглядом за окно.

— Исключить меня из комсомола ребята хотят. Вот так. — Покраснел, выдался болез-

ненную улыбку. — За литературное творчество, так сказать...

Тут я не выдержал, сорвался: — И это ты называешь литературой! Это же грязь, смакование пошлости...

— Нет, не смакование. Это протест против пошлости. — Парень твердо посмотрел на меня.

— Что же, ты не нашел другой формы борьбы?

— Пробовал. Предложил диспут «О пошлости» — не разрешили. Написал заметку в стенгазету — директор газету рванавизировал. Вот я и написал в литературной форме и пустил среди ребят, чтобы прочитали...

Я смотрел на этого парня, правого в своем стремлении помочь людям избавиться от скверны и в то же время неправого, залупавшегося в том, что он сделал.

И это уже не первый факт. Совсем недавно звуч и директор другой школы с возмущением рассказывали мне о своих десятиклассниках и что «не та молодежь пошла», и что, мол, «вот в наше время», и «куда смотрит комсомол...» А сыр-бор разгорелся из-за такого случая. Ребята создали классный литературный журнал. Я читал все его номера. Были в нем статьи, где ребята старались искренне и пылливо поднять прямо-таки государственные вопросы. А директор вместо того, чтобы объяснить, поправить (что, конечно, сложнее), взял и по-инквизиторски изымл журнал (это куда проще). И вот ребята пришли в рай-

ком. Сколько обиды и разочарования было в их словах, когда они говорили о школе! Нет, не правда, что не так много полагал Рыбца у нас хорошие. Просто их характеры складывались в период разоблачения культуры личности, в период реорганизации промышленности, управления сельским хозяйством. Вся страна в творческом поиске. И ребята тоже ищут. Что же плохо, если их волнуют большие государственные вопросы, что они ими живут? Конечно, они иногда ошибаются. Ничего страшного! Надо полагать им, а не пытаться их несложно разочаровать. Вот почему, наверное, следует как можно шире выносить на обсуждение в школе все важные вопросы. Ведь у нас есть все возможности, чтобы ответить на любой из них. Партия не сорвет правды от народа. Коммунисты хотят, чтобы каждый из нас сейчас еще понимал цели и задачи, стоящие перед страной. Так как же можно отталкивать ребят, ничего им не объясняя? Куда хуже будет, если они разочаруются в ответах воспитателя, обратятся за разъяснениями к вузовским сплетникам или будут получать искаженную информацию от всяких объективистки обзавестелей из-за океана.

...Был на «Фронт пролетарии». Говорил с директором и главным инженером о кадровых проблемах молодежи. Понимаю сейчас: да, да, мод, правильно. Главное — доверие к мысли молодого рабочего, к его политической зрелости. Но вот за стучащую как-то руку не доходит. План живет. И о рационализации рабочих places обязательно подумаем. Успеем огромный резерв.

Ушел с завода упокоенный. Останется Калинин краснопролетарцем!

Вот позаниматься еще одна неделя. Как всегда, хочется оглянуться назад, выделить главное... Основным был, конечно, очередной рейд по ЖЭКам. Перед рейдом вспомнул старый сюжет. Лева Кузнецов, наш «реформатор», шумел, размахивал руками, доказывая, что надо, давно надо создавать комсомольские организации в жилых кварталах.

С ним снова сваталась Тамара Гребнева: — Хватит, и так все хорошо организовано! «Мероприятия», «повести дня», «козаны» — хватит! Заниматься надо людей нашим делом — это главное, а потом уж и обо всем остальном думать...

Я пока на стороне Тамары. Конечно, можно создать при ЖЭКах комсомольские организации. Только будет ли толку? Надо начинать с дел, с существа, а не с формы. Это, кстати, подтвердил и рейд.

Приехали мы в большой ЖЭК на Ленинском проспекте. Вокруг — красивый уголок — от табачного дыма сизым-сизым. И треск костяшек домино. Сидят человек десять. Все комсомольского возраста. Видно, ребята с производства. Руки рабочие, мускулистые. Бьют костяшками с такой силой, что просто чудо, как это стол не разваливается под ударами. Видно раскраснелись. В воздухе азарт их... запах дыма...

...Что делайте? — спрашиваю.

На вопрос — оль внимания, только один поднимает на меня глаза.

— Сейчас, одолжи человеку окуляры!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Фотомашинистка Светлана Яковлева

кричит он парнишке в очках. — Разглядеть не может, что делает.

— А почему выводит парня в низкое настроение на лоб кепку, из-под которой глядят намешанные глаза.

— А ты кто такой?

— Янецкий новенький.

— А ты кто козлан друбаме, проигравшие по баночке нам достают.

— Ну, а потом?

— Что потом? — озадаченно переспрашивает парень.

— А что тебе делать будешь?

— В парк, на лятачок прошагуешься можно...

...Слово за слово, разгорелись. Вынырнет трамвайный траулорный «козлан» — то баночке — пятачком... Так и крутят в нем свой догуг ребята.

— Стуюю живяте, парик, — говорю, — интересная жизнь проходит мимо...

— А что интересного будет здесь быть? — оглаживает парень в кепке прокуренный красный уголок.

— Что интересного? В соседнем доме братья Майоровы живут. Позвали бы их. Они бы вас кое-какую козылку на ноги поставили. Или вот артисты зауженные и даже народные в нашем районе есть. Попросили бы драмкружок у вас организовать...

— Это как дело поставить — враздумье.

— Есть здесь прикрепленный к нам пенсионер. Тожэ все планы культурно-просветительские составляет. Только ничего у него не получается. Погуду стуюю Майоровый, Жаки...

— Это как дело поставить — враздумье.

И тут парень в кепке вскакивает:

— Да что ты нам мораль читаешь? Окудаты?

— Секретарь вашего райкома комсомола...

— Ах, вот ты! — присиступил в кепке. — Ну, раз секретарь, значит, и организующий наш досуг. Тебе деньги за это платят.

— А почему это ты за всех отвечаешь? — спрашиваю. — Главный, что ли, здесь?

— Нет, я не главный. И, сывая кепку, у червобаннистского лорда представляется: — Анатолий Васильевич.

А лет-то ему не больше семнадцати. Снял кепку — открылся лицо, чистое, юншеское. И уже понимаешь, что его грубость — только понаглость.

— Ну, вот что, Анатолий Васильевич. Я на прикрепленного пенсионера, делать за вас ничего не буду. Хотите жить интересно — организуйте сами. Ну, а если что трудно будет, приходите. Вот адрес райкома...

В общем, оставил я им свой адрес и уехал. На дух сейчас неспокойно. Но как быт? Нельзя же действительно превращаться в «прикрепленного пенсионера». Да и пользы-то парням немного будет, если за них все сделать. Нет, тысячу раз права Тамара: что толку, если мы формально организуем в ЖЭКе комсомольскую организацию и залищем туда этих ребят?

...Сегодня был районный актв. Впервые неожиданно узнал: Калинин ушел с завода! Значит, не удержали. Неужели на заводе так и не поговорили с ребятами? К вечеру отшумело немного и чувствую: больше зима на мне. Сам не проследил за Владимиром. Перебирало в памяти все разговоры с ним и понимаю: не сказал ему главного. Мы как-то в последние дни привыкли срезать углы, слагать слова. А я ему должен был сказать: надо Тяжелое положение на заводе с кадрами. Не имейте права уходить. Надо остаться, чтобы бороться с бескрылыми людьми, которые не хотят ни подниматься над тучами, ни определять главного. Остаться и бороться за то, чтобы на заводе до конца поверили в молодого рабочего, в его силы, в его творческую мысль. Ведь у нынешнего краснопролетарца за плечами десятилетия или техникум, а подчас несколько курсов института.

Все это я осознал по-настоящему только сейчас. А должен был давно-давно. Но успел ли порадовать себя, сказать углы, слагать слова? А я ему должен был сказать: надо Тяжелое положение на заводе с кадрами. Не имейте права уходить. Надо остаться, чтобы бороться с бескрылыми людьми, которые не хотят ни подниматься над тучами, ни определять главного. Остаться и бороться за то, чтобы на заводе до конца поверили в молодого рабочего, в его силы, в его творческую мысль. Ведь у нынешнего краснопролетарца за плечами десятилетия или техникум, а подчас несколько курсов института.

...Сегодня был районный актв. Впервые неожиданно узнал: Калинин ушел с завода! Значит, не удержали. Неужели на заводе так и не поговорили с ребятами? К вечеру отшумело немного и чувствую: больше зима на мне. Сам не проследил за Владимиром. Перебирало в памяти все разговоры с ним и понимаю: не сказал ему главного. Мы как-то в последние дни привыкли срезать углы, слагать слова. А я ему должен был сказать: надо Тяжелое положение на заводе с кадрами. Не имейте права уходить. Надо остаться, чтобы бороться с бескрылыми людьми, которые не хотят ни подниматься над тучами, ни определять главного. Остаться и бороться за то, чтобы на заводе до конца поверили в молодого рабочего, в его силы, в его творческую мысль. Ведь у нынешнего краснопролетарца за плечами десятилетия или техникум, а подчас несколько курсов института.

...Сегодня был районный актв. Впервые неожиданно узнал: Калинин ушел с завода! Значит, не удержали. Неужели на заводе так и не поговорили с ребятами? К вечеру отшумело немного и чувствую: больше зима на мне. Сам не проследил за Владимиром. Перебирало в памяти все разговоры с ним и понимаю: не сказал ему главного. Мы как-то в последние дни привыкли срезать углы, слагать слова. А я ему должен был сказать: надо Тяжелое положение на заводе с кадрами. Не имейте права уходить. Надо остаться, чтобы бороться с бескрылыми людьми, которые не хотят ни подниматься над тучами, ни определять главного. Остаться и бороться за то, чтобы на заводе до конца поверили в молодого рабочего, в его силы, в его творческую мысль. Ведь у нынешнего краснопролетарца за плечами десятилетия или техникум, а подчас несколько курсов института.

...Сегодня был районный актв. Впервые неожиданно узнал: Калинин ушел с завода! Значит, не удержали. Неужели на заводе так и не поговорили с ребятами? К вечеру отшумело немного и чувствую: больше зима на мне. Сам не проследил за Владимиром. Перебирало в памяти все разговоры с ним и понимаю: не сказал ему главного. Мы как-то в последние дни привыкли срезать углы, слагать слова. А я ему должен был сказать: надо Тяжелое положение на заводе с кадрами. Не имейте права уходить. Надо остаться, чтобы бороться с бескрылыми людьми, которые не хотят ни подниматься над тучами, ни определять главного. Остаться и бороться за то, чтобы на заводе до конца поверили в молодого рабочего, в его силы, в его творческую мысль. Ведь у нынешнего краснопролетарца за плечами десятилетия или техникум, а подчас несколько курсов института.

Все это я осознал по-настоящему только сейчас. А должен был давно-давно. Но успел ли порадовать себя, сказать углы, слагать слова? А я ему должен был сказать: надо Тяжелое положение на заводе с кадрами. Не имейте права уходить. Надо остаться, чтобы бороться с бескрылыми людьми, которые не хотят ни подниматься над тучами, ни определять главного. Остаться и бороться за то, чтобы на заводе до конца поверили в молодого рабочего, в его силы, в его творческую мысль. Ведь у нынешнего краснопролетарца за плечами десятилетия или техникум, а подчас несколько курсов института.

...Часов в пять открылась дверь, и в кабинет неожиданно вошли все знакомые из ЖЭКа. Видно, с работы только переоделись не успели. Во главе Анатолий Васильевич.

— Привет, секретарь! В воскресенье собираем общее собрание жильцов дома. Приглашаем. Расскажишь, что и как делать.

Тогда я подумал: уместен ли сборить им жильцов? Видно, с работы только переоделись не успели. Во главе Анатолий Васильевич. Тогда я подумал: уместен ли сборить им жильцов? Видно, с работы только переоделись не успели. Во главе Анатолий Васильевич. Тогда я подумал: уместен ли сборить им жильцов? Видно, с работы только переоделись не успели. Во главе Анатолий Васильевич.

— Предлагаю избирать не будем. Собрание веду я. Слово предоставляется секретарю райкома комсомола.

Рассказал я об интересном опыте организации досуга жильцов дома. Потом долго спорили, решали, с чего начать. Остановились на спорте. Решили создать футбольную команду, а к зиме оборудовать хоккейное поле. Будет, а за это всем делом.

Уверен: пойдут дело! Так же ведь начинали в 10-м и 18-м ЖЭКов. В чем же тут секрет? По-моему, главное — по-настоящему заинтересовать ребят и не опекать, не организывать за них, на первых порах немножко помогать, но не доводить людям! Поверьте в то, что они могут сами сделать свои жизни по-настоящему интересной. А там дальше хлопот не будет.

Да, великое это дело — доверить к человеку. Умеем ли мы доверить людям? Доверять не в мелочах, а в главном!

В пятницу принимали иностранцев. Приехало семь человек. Все из разных стран. Но первый скрипнул был некий Джимкс. Типичный американец. Короткие выщипанные волосы и легкая улыбка на лице. Деловитый. Но все время себе на уме. Говорит быстро, экспансивно, так что его медлительный друг — болонгвиц Макс — еле успевал переводить. Спорили о разоружении, об образе жизни, о тотом дилемме и т.д. и т.д. Джимкс — на пятнадцать ноль-ноль назначено бюро райкома. Разговору же не было видно конца. Часовая стрелка медленно приближалась к трем. И вынужден был встать и объяснить, в чем дело, извиниться.

— Вот видите, видите, как вы уходите от дискуссии! — заулыбался Джимкс.

Я вышел проводить гостей в приемную. Тут на наших старших, потрепанных лицах разместились ребята. Ждали бюро, где их должны были принимать в комсомол.

— Вот оно, будущее России, — оживился американец и тут же оказался рядом с двумя первыми, пригубившими... на столе.

Макс переводил его темпераментные фразы.

— Понимаете, — насадал на ребят Джимкс, — мы должны открыто смотреть в глаза друг другу. Разоружаемся. Нам нужно «открытое небо».

— Правильно, — сказал один из парней в школьной куртке. — Нам тоже нужно «безоблачное, открытое небо».

Джимкс радостно кивнул. Но паренек неожиданно добавил:

— А то, что предлагал еще Эйзенхауэр, — это же откровенно шпильки.

И тут он вместе с товарищем взял Джимкса в оборот. Они задавали ему вопросы и о встрече глая правительства, и о Женеве, и о дискуссии в ООН. Раз этого можно было задерживать навалу бюро. Но больше десяти минут Джимкс не выдержал. Но снова сыпался такие вопросы, которые нам, райкомовским работникам, просто неудобно было ему задавать. В общем, сторал Джимкс, как бенгальский огонь. Усталый, но довольный, повторял:

— Проплагаю...

А через полчаса мы принимали этих ребят в комсомол. Вопросы к ним у членов бюро не было. Нам оставалось только от всей души поздравить их с вступлением в комсомол!

И вот сейчас, когда я пишу эти строки, случается, а думаю: радостно жить, когда рядом такие замечательные парни. Может быть, вот именно в них, в их отношении к жизни и есть главный итог комсомольской работы.

РЕПОРТАЖ

(Окончание. Начало см. в №19, 20.)

О месте с группой летим над желтоватой равниной. Липь изредка внизу мелькают населенные пункты. Солончак сверху напоминают ледяные озера... под знойным солнцем. Погода стала явно портиться. Сегодня и завтра обещают пыльные бури. Это не может не тревожить членов Государственной комиссии, с которыми мы направляемся в новое место.

Заместитель председателя Государственной комиссии рассказывает мне:

— Присмеление... Это только звучит так просто, а между тем оно так же ответственно и требует такой же высокой технической отдачи, как и старт космического корабля. Крупнейшие ученые считают, что присмеление куда сложнее, чем, например, пилажование, которое использовалось американские астронавты.

Подготовка к финишу, оказывается, ведется одновременно с подготовкой к полету и достигаа своей вершины 15 августа...

Наконец мы на месте. Комната, спальня усадебная картина. На огромном столе — особая карта с обозначением мест намеченного приземления Андрияна Николаева и Павла Поповича. Здесь шумно:

радиотелефонные разговоры не умолкают ни на минуту. Самолеты и вертолеты находятся в полной готовности. Их экипажи все время поддерживают связь с этой комнатой. Врачи, спортивные комиссары ждут сигнала, чтобы немедленно отправиться туда, где закончат свое путешествие космонавты. Одним словом, все готово, все с нетерпением ждут...

А что же происходит в эти часы и минуты на космических кораблях? Как готовятся к ответственнойнейшему завершающему этапу летательных рейсов сами герои Андриян Николаев и Павел Попович?

— Первый делом, — рассказывал нам потом Андриян Николаев, — физическая зарядка. Необходимо освежить мускулы, услышать в организме кругоборот крови.

— Как нам советовали врачи, — дополнил Павел Попович, — надо было подготовить организм к переходу от длительного состояния невесомости к перегрузкам, которые нас ожидали. Никто не знал, как мы перенесем их после столь долгого пребывания в космосе.

И вот космонавты услышали голос Главного конструктора, который в эти дни не покидал опера-

тивного пункта. Он предложил им выбрать способ приземления: в корабль или на парашюты. Оба героя решили избрать второй способ.

Перед началом полета космонавты божьими слухами составляли маршрут в космическом пространстве. С промехом в шесть минут корабль «Восток-3» и «Восток-4» устремились к родной земле. Торжественно устроившаяся жареную гасит огромные скорости кораблей. Началось спливание. Корабли приближаются к опасным плотным слоям атмосферы. Стала ощущаться невесомость. Началась действовать перегрузка. За стеклом иллюминатора — булбулюющая пелена.

Уже температура 5 000 градусов. Это уже плотные слои атмосферы. Уверенность в надежности запитых средств, выдержка и воля не покидали космонавтов.

— Я видел, что будет полет, — говорил Космонавт-3, — а сам думаю: «Ну и пусть себе бушует. Главное — сплывайтесь».

С земли на борт кораблей поступают последние команды. Штурм атмосферы закончился. Космонавты катапультируются. Над их головами раскрываются парашюты...

— Ястреб героев все подготавлило, предусмотрело и выверено... Как до мельчайших деталей. Напряжение достигает предела. Вот сейчас время действительно идет черепашьим шагом. Всем хочется первыми услышать такое родное слово: «Приветливая». Кажется, сплывом только оперативны работы. Они, не отрывая глаз, смотрят на часы часов. Они знают, сколько пройдет времени от катапультирования до приземления.

В шумной комнате стало тихо, безмолвно, как в судеокамере.

Тинишу разредит радостный голос, разведшийся в трубе:

— Сигнал принят. Андриян Николаев на земле.

Новый сигнал на родной земле и Павел Попович.

Корабль-спутники приземлялись практически одновременно в заданных районах Советского Союза, южнее города Караганды. Заместитель председателя Государственной комиссии сообщает журналистам о месте, где они встретятся с космонавтами, и смущает взять у них первое интервью.

— И вот мы там, куда прибудут сейчас космонавты с космолетами. Последняя минута ожидания. Героям самолеты выходят из самолетов. Огромная толпа людей бурно приветствует героев.

Погода в месте приземления

вопреки прогнозам стала удивительно. Слово природа вместе с людьми приветствовала возвращающихся из исторического космического похода Андрияна Николаева и Павла Поповича. Чтобы попасть в отведенный для них дом, космонавтам пришлось проехать на машинах через сплошной живой коридор, услышать тысячи приветствий.

Через несколько минут мы в комнате, где разместились герои. Андриян Николаев и Павел Попович выглядят бодрими, веселыми. Они шутят, смеются, охотно отвечают на вопросы журналистов. Мы выкладываемся в их лица...

Конечно, они физически устали, но внешне это незаметно. И здесь мы тоже объясняется духовным облик этих неистощимых людей, их внутренним душевным строем.

— С дороги надо бы побриться, — замечает Андриян, поглаживая крепко заросшие щеки, и просит своей чемодан, оставшийся у товарища на земле, чтобы взять в нем бритвенный прибор.

— Сейчас прибудет мастер, — говорит кто-то из друзей.

В комнату вошел парикмахер. — Заран... начал он да так и замер, не договорив фразу. Вдаль перед ним сидели знакомые ему по фотографии космонавты. Таких знаменитых клиентов ему еще не приходилось обслуживать.

— Это вы! — наконец проговорил он.

— Это мы, — всею ответил Павел Попович. — Побойтесь, пожалуйста, Андриян Григорьевич, а, как видите, на одной из остановок в космосе заглянул в парикмахерскую.

— Дядю? — секундоучку, — отвечает Андриян, поменяю прихода в себя.

Космонавты правели себя в порядок, и нам представлялась возможность задать им один-два вопроса.

— Я горжусь тем, что задание поручено мне и моему товарищу, — сказал Космонавт-3. — Мы с ним сделали все, чтобы задание было выполнено.

Павел Попович дополнил: — Вы спрашиваете, каковы итоги. Я вам кратко сообщу самый главный итог: все закончилось хорошо, программа выполнена, мы впереди в мире добились полета корабельного парю, как говорят в авиации. Мы все активно поддерживали связь друг с другом. Одним словом, — добавил Попович, — все хорошо, все хорошо!

...В комнате жарко, и Павел Попович по этому поводу шутит:

— Честное слово, в космосе куда комфортнее, не так жарко.

Андриян Николаев улыбнулся. — И народу меньше, шумя меньше.

Кто-то из местных жителей решил угостить космонавтов. И вот уже в комнату вносят огромный плоский арбуз. Космонавты с большим удовольствием пробуют его. Затем они обращаются к дежурному связисту и просят соединить их с Ятуй. Им очень хочется лично доложить Первому секретарю ЦК КПСС и Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву, что полет успешно закончен, что они снова на родной земле, поблагодарить за то особое внимание, которое он уделял им во все дни полета.

— Дядю Ятуй.

В комнате тишина.

На столе, к которому сели космонавты, два параллельных телефона. Герои могут слушать Ятуй одновременно. Андриян Николаев и Павел Попович хотят внутренне собраться, лица их стали сосредоточенными. В глазах — торжественный огонь, какой, какой вспыхивает, когда человек собирается сказать самое главное — то, что у него сейчас на душе.

Звонок.

Андриян Николаев взял трубку.

— У телефона майор Николаев, — И, забрав трубку рукой, сказал нам: — Сейчас подождет Никита Сергеевич.

Андриян очень волнуется. Кажется, ему изменило складорок. Так и хочется шепнуть ему его же слова: «Спокойствие, спокойствие».

А с того конца провода уже идут слова, ласковые, теплые, идут от имени всего народа, от имени партии. До крайности смущен Космонавт — этот бесстрашный человек. Нам видно, что его смутные щеки заливают краска.

— Спасибо, Никита Сергеевич, — отвечает Андриян, — большое спасибо.

Мы не знаем, что говорит Никита Сергеевич, но понимаем, что слова его зашли глубоко в душу космонавта.

— Никита Сергеевич, еще раз спасибо за теплые слова, спасибо. Кажется, космонавт вновь овалдин собой, и вот мы слышим, как он четко говорит:

— С большой радостью докладываю...

А потом слова разговор, простой,

зауважений. У космонавта восторженные настроения. Он смотрит на нас, словно говоря: «Потеряете немножко, потом все расклячет». — Первую трубку подожоживку по Понявичу — видно, отвечает Николаев на просьбу Никиты Сергеевича пригласить к телефону шведского брига.

Рапортует Павел Попович. Говорит он энергично, четко.

На улице собралась огромная толпа людей. Доносится зарывания в честь космонавтов. — Что же, Андрей, пользуясь правом секретаря парторганизации, приглашаю тебя на митинг — говорит Попович.

Трибуны нет. Выпосом небольшой столк. Космонавты легко вскакивают на него. Люди от неожиданности замерли, а потом разразились шквалом аплодисментов. Андриян поднял руку в знак внимания, и над площадью заорались тишина.

Первым выступает Космонавт-3. Нетронуто, чуть окая, он говорит: — Спасибо за теплую встречу. Полет прошел хорошо. Мы себя чувствуем прекрасно, даже отличаясь абсолютной легкостью.

— Еще раз спасибо за сердечные поздравления, — добавляет Павел Попович. — Я полностью присоединяюсь к новому другу. Действительно, полет прошел хорошо, и за это мне хочется сказать сердечное спасибо нашим конструкторам.

Все строже лица космонавтов. Андриян Николаев сидит в кресле, погруженный в свои мысли. По легкому шевелению губ мы догадываемся, что он повторяет слова предстоящего рапорта. Подскакивает к своему другу и Павла Попович.

— Самлет matter касается земан. И вот он уже подаривает к взрокозлау, где ждут герои предстаителит трудящихся, руководителит партии и правителства во главе с Н. С. Хрущевым.

Красная ковровая дорожка. По ней уже шла первооткрыватели космоса Юрий Гагарин и Герман Титов. Сейчас впервые по ней идут сразу двое — Андриян Николаев и Павел Попович.

Слушавший комиссар И. Борисенко, фиксирующий до доли секунды моменты подъема космических кораблей и их приземления, вместе со мной любуется четким шагом вымпалого героя космоса, приближающегося к правительственной трибуне.

— Теперь у СССР еще два мировых рекорда, — говорит он. — Сейчас мы абсолютные легиты быстрее всех и дальше всех.

Космонавты подходят к правительственной трибуне. Воле Никиты Сергеевича Хрущева маленькая девочка — Наташа Попович. Она поглаживает на приближающиеся к ней отца и чадую Андриян

Действительно здесь собралась вся Москва. А вперед — Красная площадь — центр всероссийского торжества.

Прием в Кремле всегда составляет большое впечатление, но празднично, посвященное победителям космоса, — особенное. Я пришел раньше, чтобы увидеть побольше, поговорить с людьми. А гости Кремля сегодня на редкость интересны. На прием приглашены те, кто участвует в создании межзвездных кораблей, организует их полеты. Много с собой заменяю совсем молодым человеком, на груди его звезда Героя Социалистического Труда. Знакомился. Оказалось, мой собеседник — застрельщик высшего разряда, работает на предприятиях, где строят космические корабли. У рабочего открытое русское лицо. Широко расставленные серые глаза. В зависимости от темы разговора они становятся то строгими, то удивительно веселыми. Он хорошо знает свое дело, говорит, что вместе с другими своими товарищами по работе участвует в покорении Вселенной.

— Так что, — заканчивает свой рассказ молодой рабочий, — я рад, что дела последний шов на ракете, которая помчала в космос Андриян Николаев.

В эту минуту к нам подошла Главная Конструктор. Он в скромном сером костюме, как всегда, спокойный, бодрый, и только в

приветствия. А в зале творилось что-то невероятное: крики «ура» сливались с возгласами: «Слава партии!», «Слава советскому народу!», «Слава космонавтам!». — «Политы первые бокалы в честь покорителей космоса, в честь ученых, в честь рабочего класса. Мы хороним в этот час, где стоит Андриян Николаев и Павел Попович. С ними беседуит Никита Сергеевич и Леонид Ильич Брежнев. Неугомонная Наташа Попович — словно ангел, который араравает все, каждый ее чем-нибудь угощает.

Неожиданно раздался торжаче аплодисментов в преддверии конце зала. Это, оказывается, чут с опозданием прибыл первооткрыватели космоса Юрий Гагарин и Герман Титов. Они проходят через весь зал, и вот уже чепы «несбесных бригад» поднимают бокалы.

Никита Сергеевич слегка подталкивает к микрофону Андриян Николаеву и улыбался, что-то говорит ему.

«Наступает торжественная минута вручения Андрияну Николаеву и Павлу Поповичу звезды Ленина, звезды Героя Советского Союза и знаков «Летчик-космонавт СССР». Леонид Ильич Брежнев прокладывает к груди каждого из них высокие правительственные награды, крепко целует космонавтов.

Видю, как аплодируют своим спивопам две женщины — матери космонавтов. На газу у них наворачиваются слезы, но лица светятся счастьем и радостью. Покручивает в волнении их и Роман Порфирьевич Попович.

Напротив меня стоит человек огромного роста. Он громко аплодирует своим широким плечами. Это Гарри Уэлстон, замечательный американский коммунист, борец за мир и дружбу между народами, потерявший зрение в зенитках страны «желтого дьявола».

Он говорит мне о чуте, охвативших его в эти минуты:

— Это замечательно, что коммунисты, именно коммунисты первыми пришли в космос. И я очень рад, что именно советские коммунисты из партии Ленина совершили первые полеты в космическое пространство. Жаль только, — с грустью добавляет он, — что не могу посмотреть на эти замечательные ларей. Как это хорошо звучит: «Андриян, Павел», — по-русски провозгласит он имена советских космонавтов.

Никита Сергеевич предлагает тост за космонавтов, за их полниту, за те результаты, которых они достигли и которые стали достоянием всего человечества. Он поднимает бокал и провозглашает:

— За космонавтов!
— За мир и дружбу между народами!

— За ваше здоровье, товарищ Николаев! За ваше здоровье, товарищ Попович!

— За здоровье ваших родителей! — Празднично, радостно на сердце у всех. Не хочется уходить из сверкающего опития прекрасного зала. И прежде чем закончить этот репортаж я приведу слова сказанные в Кремле Андрияном Николаевым:

— Хотелось провозгласить тост за то, чтобы на наших планетах всегда из космоса так красиво вылетали, всегда были мир и тишина. Замечательно сказано! Да, человечество непременно достигнет торжества МИРА и ТИШИНЫ.

«Хочется, чтобы на нашей планете, которая из космоса так красиво выглядит, всегда был мир и тишина», — сказал на приеме в Кремле Андриян Николаев.

наши ученые, нашему рабочему классу, которые создали величайшие летательные аппараты, на которых можно победить космическое пространство... Герои стоят во весь рост, обняв друг друга, за плечами — стелы. Да и как не быть стаславам, когда тебе досторженно встречает народ — самый строгий и самый сердечный централь подвагов, совершенных его самими во славу Советской Отчизны.

«Под крылом самолета, свершающего круг полета», — Москва. Нам видны заполненные людьми, освещенные солнцем улицы столицы. Кажется, неместит всех желающих Ленинский проспект. На уровне вышестоящих плавает себробельястребители, эскортующие самолеты.

на. Среди руководителей партии и правительства — две пожилые женщины в ситчатке, но-красивыши повозжих платках — Анна Алексеевна Николаева и Федася Касьянова Попович, усталый, похожий на залоржского казана Роман Перфирьевич Попович, жена героя — Мария Лаврентьевна.

Гремит марш. Космонавты по очереди рапортуют Первому секретарю ЦК КПС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву об успешном завершении полетов. Никита Сергеевич целует героев, прижимает их к своей груди.

Весь путь от Втукаво до Москвы — почти 30 километров — они шли по живому коридору. Но самое замечательное зрелище — это Ленинский проспект.

утолкало его глаз следы усталости. Он еще не успел отдохнуть после напряженных дней. Поднявая руку работнику, видямо, своему старому знакомому, он спросил:

— Давно в Москве? — Сегодня с утра. Был на Красной площади. Случайно встретил космонавтов. Порадовался, что Никита Сергеевич хвалил очень ученых и он все доброе слово сказал. По тому, как просто мой знакомый говорил с Главным Конструктором, стало ясно, что они очень хорошие знакомые. И я подумал: как примечательна эта дружба ученых с рабочими!

Едва космонавты появились в Героическом зале, как раздался бурный аплодисменты. Герои шаг, шагившие ловой горной встречей. Они улыбались, отвечая на

10 НОЯБРЯ —
ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ

С ПРАЗДНИКОМ ТЕБЯ, МОЯ МИЛИЦИЯ!

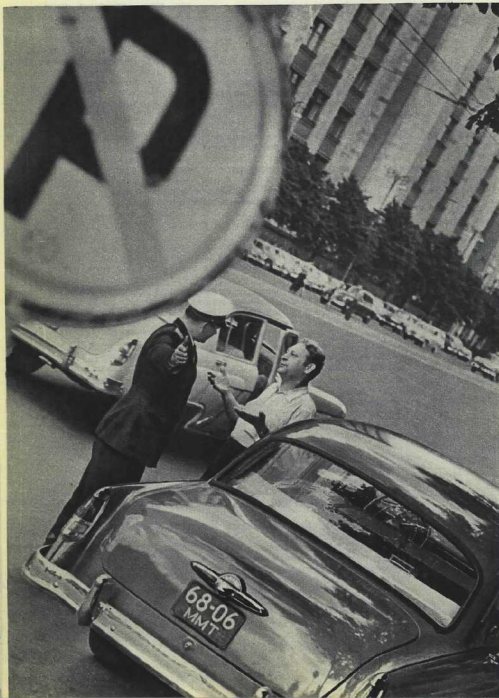
Их называют «солдатами мирного времени». Днем и ночью в больших городах и маленьких поселках люди в синих шинелях несут свою бесконечную службу. Много лет назад поэт сказал фразу, которую повторяют с тех пор тысячи и тысячи раз, но она от этого не стала избитой: «Моя милиция меня бережет». Мы вспоминем ее и тогда, когда в календаре прибавился еще один праздник — День советской милиции.

У милиции много забот и множество профессий. И одна из них — инспектор ОРУДа. Инспектор ОРУДа участвует в жизни каждого из нас. Хотите понимать это в прямом, хотите — в переносном смысле, но именно он, орудовец, регулирует наши отношения с транспортом. Согласитесь, что делать это непросто, особенно в большом современном городе.

На Ленинском проспекте столицы стоит на вахте инспектор 19-го отделения ОРУДа старшина Виктор Надевикин. Если вы думаете, что его работа заключается только в том, чтобы, стоя на перекрестке, регулировать поток машин и открывать путь пешеходам, то вы ошибаетесь.

В сухом, протокольном языке существует термин «дорожно-транспортные происшествия». Сколько раз старшине приходится произносить эти слова! Но зафиксировать происшествие мало, нужно предупредить его, говорит Виктор Надевикин. Главная обязанность инспектора — сделать все, чтобы таких происшествий не было. Он не ограничивается своим перекрестком. Старшину хорошо знают и во дворах многих домов по Ленинскому проспекту: не раз ему приходится проводить там беседы о правилах уличного движения. Быть может, потому в этом районе Москвы почти не стало «дорожно-транспортных происшествий», а пешеходы и водители машин как старого знакомого приветствуют Виктора Надежикина, старшину советской милиции.

Фото М. МУРАЗОВА.

Сильный ежущий человек на свете — Жичин.

Он сидит у печурки, потирая жилистые руки, уже этой час и все говорит о делах: о том, что им опять подсудили старые, а не аккумуляторы, что провода до пятого пикета вряд ли хватит, что в таких условиях полевых надо платить не пятьдесят, а все сто процентов.

Еще Жичин склонен сокрушаться о том, что некоторые девушки по молодости своей не понимают, как много терпят они в одиночестве. Но эту тему Алла объявила запретной, и он делает вид, что заходит в вагончик-лабораторию просто по делам.

Надвигает после работы свой лучший костюм — светлый, в рубчик, двдико-зеленый свитер, присаживается у печурки на угляшки сажалку и говорит...

Речь у него нескладная. Скажет несколько слов и замолчит, и тогда слышно, как шуршат по дощатым стенам ледяные торосы.

Неделю назад, когда вонючий отряд впервые зашел на залив, Алла несколько раз просыпалась от этих шорохов. Все казалось, что вот-вот развернется схватка над полярными и ползут к их котельным вагончикам вместе с трактором.

Но трещины раздавались не шире чем на ладонь, а торосы несли друг друга где-то в стороне, так что беспокойство было напрасно. Со временем к этим шорохам можно было бы привыкнуть так же, как и к повесу дождя до крыльца.

Пройдет еще несколько дней, их санный поезд двинется дальше, и новая «колесца» будет убираться в скалы или выводить на каюки-нибудь заснеженное аглоное болото, которыми так богат Северный Саяхан. Ступица ногой неопиана, и из-под ног твоек выстрелит ступор заполошной белой журавлиной. Да так, что сердце зайдет.

И только потропичь тропку к опирающемуся морозом ручью — пора снова сниматься с места. И вроде бы жаль в такие минуты обходить объекты, а душа уже томится по новизне, и жидет ее, и торосит. Видно, конечно, что убежденно неравнодушны ничего общего с домоседами не имеют.

Алла считает себя убежденной. Она уже не жалуетя на засилье консервов, завраски сулит черней магнитных бурь, которые сымают трафик работ, и носит салку молотку обувя в адепных местах — валенки зимой и резиновые сапоги летом.

Сегодня на заливе морозно: февраль только-только вступил в свои права. А в вагончике Ташкент. Напротив стола, за которым сидит Алла, пролежана на доске антарктическая скалка. Любопытно стало, наверное, кто же так раскопачивает печурку.

Оторвавшись от чертежа, Алла устроила легкую раминку пальцам — уж очень занемела от карандаша.

Жичин истолковал этот жест по-своему. Он распахнул дверцу жаловой ямки и с трудом взглянул туда еще две березовых чурки.

— Костюм измажете.

— Брудна. Еще один купит можно.

— Да вы богатым!

— Вы не заметил, как чурки раздалися в ушмехе его губы.

— Будте спокойны. На двоих хватят вот так, — чиркнул он жилистой ладонью по горлу. — Можно купить хороший дом с садом.

— И с куративным?

Жичин выдохнул.

— Тяжелый ты человек, Алла.

Она тщательно нанесла тушь в ушкий клюв рейсфедера. Прилежались.

Странное мужжание нарастало со стороны берега. Прерывистое и наойливое.

— С «ежущим» идет кто-то, — первым догадался Жичин.

Возле их оюнца фонарик смюк, и вагончик надгнул несколько раз от чувствительного удара ногой. Пришелец обивал снег.

— Ваше счастье, что в это время не чертила, — сердито сказала Алла, едва незнакомый приржал за собой дверь.

Он обржал в горсть искристую наледь с бровей и только тогда извинился.

ТЕПЛИЙ ВЕЩЕР ТЕПЛИЙ ВЕЩЕР В ОКОПНЫХ В ОКОПНЫХ

ЮРИЙ ЛЕОНОВ ПАРСКАЗ

Брови у него были густые и черные, взрадег. Но прямой, губы тонкие, волевые. «Если ему двадцать три, он старше меня на два года, — привычно подумала Алла. — А если двадцать четыре...»

Парень откинул с головы меховой кашпону, снял рукавицы и, потрогав пальцами сначала одну, потом другую шеку, остался доволен осмотром.

Жичин подвинулся, освобождая место на узенькой скамейке.

— До Москваля далеко еще? — спросил парень, усаживаясь.

— Семь километров... Да ты откуда сам-то?

— И что за нужда тащиться на ночь глядя?

— Надо.

Понятливо умухнувшись, Жичин оттопырил в сторону два пальца, что означало спокую, и покачал головой.

— Если маглан не встанешь, к сторожу на нефтянке зайд. У него вонта пара бутылког припасена на этот случай.

Алла насторожилась. У нее уже сложилась своя версия о прищелье. Наверняка у соседней случилось какое-нибудь ЧП и человек спешит за врачом или механиком. Тогдада Жичина она раскопачивала только о себе.

поворобила ее. Такое волевое лицо и видут...

«Ну, скажи же, что это не правда. Скажи», — вышала она про себя.

— Он сидел у печурки и молча потирал руки.

— Вы в самом деле в магазин? — спросила она почти равнодушным голосом.

— Нет, спмр у нас есть.

Победо глянца на Жичина, она вернулся к чертежу. Повергута в руках рейсфедер и отложила его.

Сухой ползучий шелест прокрался сквозь стены вагончика и затыл. Выходил олит, обобрался с локмим звоном. А эго его осылазо.

— В каком ухе зевит? — быстро спросила Алла.

— В правом, — точно отозвался Жичин.

Она раскопачивала отнерулась.

— В левом, девушка, в левом, — поправил парень.

— Надо было сразу.

— Все равно «он» думает сейчас о вас.

— Он — да, — сказала Алла, неприязненно глядя на Жичина.

— Завола, а не дека, — проворчал тот, — хотя бы сама знала, что ей надо.

Парень белго перел взгляд с мальчишечкой прически Алла на жилистую шевелую соседа, оценил поджак в рубчик, двдико-зеленый свитер и снова повернула голову к столу.

— Срочная работа?

— Нет, пора поспать вачетую.

— Ели не секрет, где вы учитесь?

— В электротехническом сваяи.

— На Авиамоторной?

— А вы откуда знаете? Вы... вы москвичи? — Она залезла запнулась от волнения. — Где вы там жили? На Синченко Вразке? Так мы ж почти соседи. А я у Камениной моста. Нет, на этой стороне, знаете, делшимй такой дом с фресками на фронтоне. Возле него всегда висит рисунок: «Время — решающий фактор. Пользуйтесь временем. Аэрофлот!»

— «Тот, кто упрям кобе швет, целиый день не успеет», — продолжил парень. Это прозвучало как народь, и оба рассмеялись.

Он пересел к столу, едва успевая отвечать на вопросы.

— Вы давно из Москвы? А когда снова поедете? — Вам недолго ждать. В мае там уже будет простоя сирель. А я только на следующий год беру отпуск, чтобы сразу четыре месца... Я извадую вам. Это нехорошо?

— Почему же? Когда прошлым летом уехали мои товарищи, я им тоже завидовал.

— Ну и жаль бы воссоедин, — хмуро сказал Жичин.

— И поеду! А потом вернусь.

У печурки недоверчиво хмыкнул.

Парень повернулся в ту сторону.

— Не обрандате внимания. Меня зовут Алла.

— Борне.

— А пожите, Борис... Да перестанте же вы косяться... А пожите на Ленинске дом, старый театр, штукатура с балкона обле-

ла... Не помните? Там еще старик мороженым торговал. Чудной такой, с бакенбардами. Народу по Ленинке ходит мало, и никто мороженого не покупал. А он все равно стоял у того старого дома... Представляет, походить бы сейчас к нему и попросить два крем-брюле. Нет, лучше трубочки.

— Парень перевернул плечами, словно бы от снобы.
— Нет,— выпалила Алла.— Там сейчас тепло... Там сейчас совсем тепло и совсем тепло. Вы мне верите?

— Да,— не совсем уверенно стаяли он.
Жичина отрывисто всосалась.
Парень вскинул на него морозные брови.

— Да, сейчас там весна и очень тепло...— твердо заявил он и потянул в плеч меховую куртку.

С предостережением хороних хозяйки Алла приняла ее и повесила на гвоздь. Жичина она не удостоила даже взглядом. Подошла к выпуклому окну, которое здесь звали рыбьим глазом, и уткнулась в него лбом. Холодное стекло приятно освежало голову.

За окномом тускло мерцали звезды.
— А у Ленинки цветет сирень,— вспомнила она вдруг.
— А не каштан?
— Не-ет,— Алла обернулась.— Откуда же там каштаны?
— Справа от метро. Визну — маленькая кучечка сирени, а вверху...

— Это они цветут белыми пирамидками? Тогда правильно. Справа — каштаны, а слева — только сирень, больше нисуть. Да? — Она порывисто взяла его за руку и разжала пальцы. — Чуваете, Ванинуга дверца пещуры, и железный прут шумно заворачивал годовешки.

Оба посмотрели в ту сторону.
Запешла бронзовая в спонь березовая чурка.
— Кажется, сросом перевернул в кот... Вы только не думайте, что я раскисаюсь по дому и что жить не могу без мороженого. Мне бы только на один день побывать там. Даже на один вечер. Попытаться маму, скондить куда-нибудь. И все.

Борис взглянул на часы.
— Неужели вы уже собираетесь уходить? — спросила она с надеждой.

Он кивнул, не задумываясь, и на этом разговор оборвался. Задрезав глаза по левому железному пруту. Снова заглянула дверца пещуры. А она, приглядевшись, чуть склонив голову, прислушивалась и слышала. Сейчас он должен заговорить. Громкий хрустом горос напомнить о холоде и о ночи, о трещинах и разводах. А еще лучше, если б вдруг рванула метель...

Завыл молчал.
Молчал Жичина, отодвинувшись от раскаленной печки в самый угол.

Молчал, переубаваясь, Борис.
И тогда, подняв голову, Алла сказала:
— Может быть, это не совсем удобно, но я все же скажу... Могу я вас попросить прогуляться со мной? Совсем ненадолго.
Сунув руку в спрятанный валенок, Борис потянулся к меховой куртке.

— Нет, нет,— остановила его Алла.— Не надо одеваться. Сейчас же май. И мы пойдем в Сокольников.
— Баторы,— насмешливо добавили из угла.
— Хорошо, мы пойдем в Сокольников,— радужно сказал он.
— Мы встретимся в семь, у того старого дома.
— Да, у того старого дома,— рассеянно согласился он и замолчал.
— Так встретимся же!

— Что? Да, однако, уже без двадцати восемь,— напелся он, поточувств нотем по инфирблату,— и я начинаю заглядываться на других девушек.

— Ивините, пожалуйста... Я... я задержалась в парикмахерской. Там всегда такая очередь. Еще минутку, соразно?
Визнуато выжила, засмеялась руками к волосам. Последний раз ее стригла на центральной улице хронометристка Зина. Конечно, она сделала не «Веселый сюрприз». Но и такие мальчишеские прически еще не вышли из моды.

Алла выдвинула ладонь, направила руками гребень, повела им, загнув голову. Она смотрела в ноготь, где сплелись с лампочкой сполохи от пещуры, слушала, как стреляли сухие волосы, и чувствовала себя жертвицей, спрятавшейся очень древний обряд.

Вернувшись было двоя, и оба молчали. Может быть, они думали о том, что здесь, вдали от берега, от лежачих под снегом марей и ятродков, никто еще не расщавлялся перед свиданием.

Когда Алла выпрямилась влево, Борис поправлял сбившийся ворот сорочки. Они встретились глазами.

— Добрый вечер,— сказал он.
— Добрый вечер.
— Сегодня очень тепло. Даже жарко. Настоящее лето.
— Да, и столько солнца.
Он замедлял.

— Не хотите ли мороженого?
— И сны пошарил. Они пошарил трубочки в шоколадной глазури и пели на автомата газированную воду без сиропа. Она едва втискивалась в переполненный вагон метро: болельщики возвращались со стадиона и облежали шанс «Спартак» на первом месте. Облежали людей на широкой аллее, ведущей к парку, а потом брели медленным медленным, упиная каждый свое. Они мчались на детской карусели, оседлали надменных верблюдов, и поднимались, как знакомые, встречным милиционерам.

А кто-то нервный ходил по лямкам за ними, и отрывисто смеялся, и гремел пещой дверцой.

Когда они подошли к танцплощадке, Борис кивнул ей и тихо зашел, покачивая головой:

«Все быстрее несом темнеет время. Вот и она темнеет закатом...»

— Извините,— перебила его Алла,— вы когда-нибудь танцевали в валенках?

Там, где можно сделать хоть один шаг, уже есть условия для танца. А если от него до печи — два шага, а от печи до выдернутой черным крепком фотобаторатори — полтора, то это уже раздаты.

Борис вел тело, уверенно, и Алла было просто рада показателю, что она тоже не новичок в танцах.

Занедрялись листья от немощных фонарей. Набо над Сокольниковым стало лысым, а ближе к центру — с багряным отливом. Там было море огней.

«Все быстрее несом темнеет время. Вот и она темнеет закатом. Здесь живут мои друзья, и даже я сама. В ночные она заглядывала...»

В самом начале танца Алла сколинула взглядом по сухой, словно бы собранной в комочек фигуре Жичина.

«Странный тип. Неужели он не понимает, что во всем правильном и правильном было бы пора встать и уйти. А если понимает, то чего ждет?» — подумала и тотчас забыла про него. Забыла даже о Борисе.

Ритм захватил ее, и осталось только ощущению необыкновенной легкости в теле да мельканием казекто пещуры. Она закрывала глаза, и пещуры не стало. Ничего не стало, кроме глуховатого голоса, который размеренно и властно уносило ее невесты куда.

Алла не сразу поняла, почему они сблизилась. А поняла, не поверила — Жичин шел. Пол шлеп, в плечу им, о девушке, которая на позиции провознала бойца.

Борис аврал громче, и они снова вошли в рисунок танца, хотя голос Жичина был пронзительнее и под крышей авраловато его слова:

И пока за туманным
Видеть мой паренек
И даже не слышаньем
Все горел огнем.

Алла тоже подхватила свою, московскую, и на несколько мгновений их дуэт аврал вихрь:

Я люблю под огнями мечтать,
И люблю, как никто, их читать.

Забить же соперника совсем им оказалось не под силу. Он шел истово, одержимо, словно отстоявая свое право на существование. Голос по-молодому аврал, порой едва не свалился на крик и вдруг стал сплюснутым и даже вальчуемым.

Борис перестал петь. Остановившись, замолчала и Алла.

— Музыканты хотят играть вальс,— сказал Борис.— А мне пора.

Но знаменую тулицу
Прожить ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек!

Последние слова пролетали совсем тихо и неуверенно.

В дверь проступала голова Янки-телефониста.

— Чи вы дурни стали? — сочувственно спросил он.— Икий шамман зрелища. Хотя б у гости завалы.

— Заходи,— о прохладель сказала Алла.
Борис снял с тусовки меховую куртку, одним движением сунул в нее руки, нагнувшись на голову кашонку.

Алла подала рукавички.

— Парк закрыли. Ну и нусть. Все равно это был такой вечер!.. Чтобы все было ясно,— жестко сказал он, глядя мимо нее, — иду и Зайку. Зови ее зову.

— Алла натянута улыбку,— кажется, в такие моменты положено улыбаться — и отвернувшись к рыбьему глазу, чтобы те двое не видели ее лица.

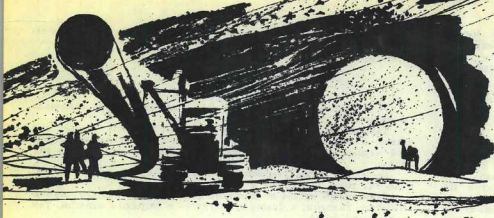
Прислонившись лбом к холодному стеклу и упрямю повторила:
— А вечер все равно был хороший. И теплый.

— Ты держи правей,— миролюбивым голосом посоветовал за ее спиной Жичин.— Там поглаже.

Он вышел из залочника вливым.

«Он что-то говорит ей. Кажется, о том, как совсем хорошо ребята работают с ним, группе и что до них совсем недалеко. А она смотрела туда, где мерцали огни не по портовым построю, не то вокзала Москальво, и все хотела сказать: «Не уходите». И знала, что это глупо и бесполезно.

— Нет, адонья.
Алла крепко покачала его протянутому ладони и долго стояла, глядя, как мерцает среди торосов желтое пятно света. Потом осеклась, только услышав, как Зайка сошло на чет и оно, и уже ушла бы лодья, но ты слышишь фонарик, то ли в той стороне ты слышеат лодья.

Камиль ЮНУСОВ

МЫ УХОДИМ ВСЕ ДАЛЬШЕ ОТ ЮГА...

Интересно увидеть землю Северу песок, барханы. Ниже — глина. Еще ниже — известняк, а где-то под ним, очень глубоко — газ. Этот газ нужен на Урале. Его там жаждут Заводы, фабрики, жилые дома. Его жаждут Уралы. И Бугарцы, тащентцы, самаркандцы начали бурить землю. Пробили песок, потом глину, потом известняк. И вот однажды кто-то из тех, из первых, адрол заволок во всю глотку:

— Ура-а! Газ!

И к нему сбивались все, кто слышал этот торжествующий крик. Они хлопали друг друга по плечам, по спине. Они смеялись, смеялась с бровей горячий пот. Им было весело жить, ведь они сделали свое дело.

Они были первыми. Мы — вторые. Мы еще не сделали свое дело. Вернее, сделали только наполовину — на тысячу километров. До Урала — вдвое больше. Но вторую половину мы тоже делаем, и кто-то из нас тоже закричит однажды:

— Ура-а! Ура!

Мы идем по барханам, и следом за нами ложится в супыче пески тысячечнометровая стальная труба метрового диаметра. И всем нам приятно, что у нас такая мощная, желваковая сила. Над нами невдалеке солнце, ветры поднимают к самому небу песчаные бури, колышется море, опривидная на нас аражские миражи. А мы идем. Нам еще рано хлопать друг друга по спине и хохотать во все горло — мы еще не кончили свое дело. Но мы его делаем — на Василий Королева, и Пашка Смирнов, и еще сотни парней и девчат.

Король из Камышина

Собственно, он такой же король, как я индийский раджа. Ему двадцать два. У него огненно-рыжий чуб и очень русское имя — Вася. Для особо торжественных случаев — Василий Иванович. А королем его называют потому, что фамилия у него такая — Королев.

Вместо трона у нашего короля выское сиденье в кабине трубоукладчика. Вместо скипетра и жезла — черные пластмассовые бошки на рычагах, и он их так дергает, что дай боже всякому королю так держать свои побрякушки!

Здорово печат солнце. Даже для нашего короля. Васяна высказывает на кабиню, на песок летят выгравированная койка и роскошные штаны из настоящей чертовой кожи.

— Девчата! Король! Король!

«Отлетать» изощряются — думает с досадой Васяна. — Ну и шут с ними. Король так король...»

Василий лезет на свой трон и берется за рычаги. Восемнадцатиметровая стальная лопать послушно ложится в хобот его машины и плавает туда, где обрывается нитка трассы. Девчонки серьеваются, опускают маски и склоняются к стыком труб.

В белесом зное огни электросварки вспыхивают бледными зарницами. Один за другим подкатывают пыльные «МАЗы», разгружаются и уходят в новый рейс. Песок скрипит под гигантскими плетями труб. Их только успевай укладывать да сваривать.

Девчата погасили свои огни и машут ему:

— Король! На обед!

Король улыбается. Черта с два. Он не будет спешить. Он, пожалуй, поджидет еще перочую другую «плеточка», а вы их сверте, голубушки.

— Проголодались? А вы ж, милье, по-

меньше несмешек стропил... Рановато вам обедать!

Королевское слово — закон. Девчата снова опускают маски и бегутся за электроды. А в воздухе — уже новая плеть.

— Вася! Ну, хватит, пойдём! Ну, покажу-у-у!

Вот это — другое дело! Василий останавливает трубоукладчик.

Девчата уходят. Василий сидит на своем вы-

сокотом промсленном троне, хрустит огурцом, кусает холодное мясо от большого шурпа. Улыбается довольно: королевский обед!

Иван и компания

В вагончике начальника второй колонны эти трое появились неожиданно.

— Махртур, мы до вас.

Начальник поднял от вост. уставое лицо. Двое мямля у дверей. Третий радостно улыбался.

— Будем знакомы: Волноев, Крутецкий, Прокин. Иван и компания. Иван — я, компания — они.

— Очень приятно, — сказал начальник, с недоверием рассматривая Ивана. — Что умеют!

— Цари дородо. Баранку кружим, живем — на тумки... — Ну-ну, — сказал начальник.

На следующий день еще три «МАЗа» выехали на газлиновую трассу. Разгружаются в первый раз, Иван улыбнулся:

— Наше вам с «плеточкой»!

Огромные плети грузно уехали в песок. Перенур, разворот, и снова трасса. Сто километров туда, сто обратно. Две рейсы в день. Их узлами, и ким привывали, показывали вследа:

— Иван и компания!

На обед яля в просторную газлиновую столовую. А потом снова «баранку кружим, живем — на тумки».

Однажды три «МАЗа» выехали на трассу, когда солнце еще только вышло на краем степи, а заглохли моторы при звездах. Шоферы не верили:

— Три рейса! Не может быть!

— А почему, маэстро, не может? — веселиво спросил Иван, щуря глаза.

Три «МАЗа» по три рейса — совсем непохожая арифметика.

Трое улыбались:

— Живем — на тумки...

А тела лопались от усталости. Подходя начальники. Сгрёб в охапку, расце-ловал.

— Здорово! А завтра повторим три раза по три!

— Каждый день — нельзя, — осторожно заметил кто-то со стороны. — Один раз — можно, а каждый день — нельзя.

Иван поднял Белеусу, выгоровшую бровь и веселиво спросил осторожного:

— А почему, собственно, нельзя?

Такая любовь

Пашка Смирнов — мощный парень. Стои в толпе — на головахы все другие. А эти другие — наши ребята — тоже не из липулов.

А у Таныша веснушки. И нос пуговкой. И росту в ней — как у голытьба-одногодки над армяком. Птичка-невеличка. Звенит от зари до зари. Без отбоя. Без перерыва на обед.

И забрался Пашка у навелички в стелю. День маялся, второй маялся, через две недели решился. Подождал, спрятав за спину кулак-кувалды в масле, в мозолях.

— Слышь, Таныш... Приходи к сопке. Вечером, ай.

Пришла. Погуляла по песку. Помолчала. Еще погуляла. Но начинать-то надо!

— Таныш, слышно, новые станы на трассе будут... Бурить-и...

— Навеличка не свистайка.

— «БУ-75» из Бугары... с отчаянием сказал Пашка.

— Бу-бу-бу...

— Ты чего?

— А ничего. Замолчал, набираюсь духу. Глотнул воздуха и:

— Таныш!

— А-й! улыбка была она.

— Люблю, Таныш... Танышкя!

«Валай, поэт!..»

Чего-то не хватало. Большого. Серьезного. Нуногого, как хлеб и вода.

Ребята из плетей мажолыны измлати журналы, лениво щелкая костяшками мормы. Левша истощил свой баляный репертуар. Все было как обычно, но чего-то явно не хватало.

И тогда бросились домно и стали думать: чего?

— Писни, братцы, — вздохнул Пешка — Сава, газлинской. Мелодию я бы осмеля, а вот стихи...

«Братцы» сватились за карандаши. Промучились час. Вышла ерунда. И тогда кто-то вспомнил: как мы себе головы ломаем, есть же поэт! Недалеко, в двух шагах, у топографов.

— Поэт? — спросили с сомнением.

— Ну да. Пашка. Кажется, Трищина...

В вагончике соседней завалился шумной гурьбой.

— Кто здесь будет Пашка!

Поднялся человек лет двадцати двух.

— Поэт.

— Поэт, — кинул утвердительно.

Лешка выдвинулся вперед.

— Раз ты поэт, значит, выругай. Пашка прося нумна. Наша, газлинская. Сработай, голубчик, стих. Чуть душа пале, понимаешь? Валай, ай.

Расстался обе стороны довольные друг другом. А через несколько дней заглохла по стройке песня. Наша песня, газлинская:

Ни завтёмны друзьями, ни подругам
Ничего ни мороз, ни жары.
Мы уходим все дальше от юга
На своей и суровой Урал...

Трасса газворотная Бугары — Урала.

Г. АНЗИМИРОВ,
Ф. РОДИОНОВ

Письмо с дороги

Вы пришли к нам в редакцию, случайно узнав, что мы отправляемся на Север. Пришли в изысканном, удобном, надежном, с красивыми глазами мастерицы вызолоченной лановой рукой сплоченного перимехера.

— Вы будете на Камчатке? — спросил вы, удобно раскочурившись в кресле. — Там у меня муж. Он в буте Лаврова. Строит завод, или комбинат, или что-то в этом роде. Я так до сих пор и не понимаю, как это называется. Если вам придется быть там, узнайте, не случилось ли что с ним: вот уже второй месяц я не получаю от него вестей. А с его письмами ничего не поймешь. Он ведь у меня такой безалаберный, безвольный. Совсем не умеет жить. Если случится что, полюбится в письме написать. — И, помолчав, вы добились: — Его друзья по институту сейчас уже все на виду, все неплохо приспособились. А он, видите ли, не затопил здания в Москве. Поехал искать счастье за тридевять земель. Да так и пропал там. Не появился в Москве уже три года. А у него здесь все-таки семья, дочка. — Вы обижено смолкли.

Нет, нет, вы ничего не хотели о нам сказать плохо. Наверное, вы бесконечно благодарны Николаю за то, что он, студент-третьекурсник, просиявший в свое время с вами — вы тогда кончали десятилетку — длинными ночами над учебником физики. Другие деловались, а он повторял с вами закон Бойля-Мариотта. («Чудак, но очень умный», — сказали мы). Он торчал в школе за дверями, когда вы писали сочинение на аттестат зрелости. И радовался, как мальчишка, переплетывая потом черновик, удавался тому, как вы здорово писали о подвиге, штурме целины.

А потом вместе со всем вашим везением бродил по июньской Красной площади. На предвечерней набережной Москвы-реки он говорил с вами о будущем, о жизни. Да, вы были благодарны ему и вышли за него замуж. Но потом... потом он ушел искать счастье за тридевять земель.

Тогда в Москву, мы не могли ничего обещать. Ведь мы и сами не знали, придется ли нам увидеть Николая. Но вот мы оказались в той самой буте Лаврова, где работает ваш муж.

Бута — красная строгая северной красотой. С одной стороны — горы, с другой — велико грохочущий океан с порывистыми ветрами. А между ними на узкой площадке — больше рядов цехов со вступившей высоко в небо легкой эстакадой, по которой бежит рыба. Не самом краю бута — маленькие коттеджи на двух-три комнаты и узкие параллелепипеды барачков.

Мы встретились с Николаем. Долго бродили по рыбозаводу, долго врезались на узкой каменистой тропе. Николай рассказывал о том, чего стоило отговевать у природы этот дикий колхозный землетрясение здесь, рыбозавод, первого двести сорок четыре сотни цент-

неров рыбы. Он был рад встрече с земляками и без конца говорил, словно боялся, что не успеет высказать все до конца.

В полночь, когда на выгнутом камчатском небе вспыхнули яркие звезды, Николай загворнил о вас, Нина. Говорил восторженно. В мыслях его вы стояли совсем рядом. Он не забыл ни одной черточки вашего лица, ни одной зашей причесочки.

И вот теперь мы хотим ответить вам.

Помните, вы назвали мужа человеком, «не умеющим жить». Мы не можем с вами согласиться. Ведь это он три года назад вместе с сорока пятью смельчаками прорвался на теплоходе «Рыбевз» в буту Лаврова сквозь льды и шторм Берингова моря, чтобы здесь, на шестьдесят первой параллели, начать комсомольскую ударную стройку.

Мороз уже сковал океан, и у закрытых бугты комсомольцев пришлось идти к берегу по льдику, еще не окрестившему льду. Они провалились в рудничную воду, но шли и шли. На берегу их встретила пурга. Ветер насквозь пронизывал одежку. Мороз, она сказала, продолжил его, Николаю нужно было снова возвращаться на судно, чтобы перенести оттуда сборный дом, цемент, гвозди, оборудование электростанции, электросварочный аппарат. Путь в каких-нибудь полжюмента растянулся на два часа. Когда они, нагруженные мешками и щипками, снова стартовали, Николаю показалось, что он уже не сможет сделать ни одного шага. Но в океане пронзительно ревел гудок «Ры-

бевз» корабельным коком. Воды теперь было мало. Сухой пушистый снег подлезал грабешником от мороза стальным листом и асфальтом к «Пинску». Там его затуражили в танки и пушки пар. Снег таял, и каждый день у лавровцев было в распоряжении пятьдесят-шестьдесят тонн воды. Эту воду пили люди, пили тракторы и дизели.

А по ночам Николай думал о вас, о дочке, о Москве. Когда же приходил рассвет, он вставал и шел на стройку.

Чтобы строить, нужно было иначе: срезать бульдозерами трехметровый слой снега. И Николай садился на бульдозер и гнал, гнал перед собой сплывшую белую волну снега до тех пор, пока под ножом машины не началась гравель кременшаста, серая земля. Северные морозы сковали ее на много метров вглубь. И тогда, чтобы отгреть землю, комсомольцы начали жечь костры.

Десяти костров запылали на берегу океана. Их жаром было выжжено асфальто. Говорят, что моряки, проходящие мимо бугты Лаврова, называли их мажками мужества.

А комсомольцы сидели у костров и мечтали о том времени, когда по всему полуострову ярко вспыхнут огни новых городов.

И земля, уступая бардаку за вершином, агрялась бульдозерами в оттаивший грунт. Так были заложены первые фундаменты в бухте Комсомольской Подгиты.

Когда и асфес были готовы впервые дома, Николай послал вам телеграмму: приезжай! И выслал денег на дорогу. Но вы не спешили

«Трибуна»
«МЕНЯ»

ЧЕЛОВЕК НА ВИДУ

ЛЮБОВЬ
и холодульник

ДАЧИ ЖИТЬ

левав. И он опять поднимался и шел на этот гудок, который был единственным ориентиром в непроходимой сумятице пурги.

Ночевать дома не разрешено, прозванном в шутку «гранд-отелем». А на следующее утро, когда новосели бугты Лаврова попытались выйти из этого «гранд-отеля», им пришлось отключать дверь. Снег завалил дом по самую крышу.

Десять дней они готовили примитивные площадки для техники и строгали в метрало. Девятой день по ночам засыпала трехметровый слой оттоптанной земли. Не хватало хлеба, да и из этого «гранд-отеля».

И когда на десятый день в буту пришло еще одно судно — «Пинск», — радости не было конца. На «Пинске» прибыл второй десант добровольцев во главе с Василием Панчинным. Прибыла техника: два новеньких бульдозера, тракторы, автокран. Десятидневные старожилы бугты Лаврова с уважением или легкой злобой, испе-

на Камчатку. На присланные деньги вы купили холодильник.

Муж ждал вас. Вы же отвечали ему благодарными, неопределенными письмами. И приобрели. Сервант, антиварную лоустру, сервиз. Потом вы бросили работу.

А в это время Николай с товарищами продолжал строительство. Шли проливные осенние дожди. Порой приходилось работать по колено в воде. Но люди не отступали перед стихией. В том же году они подняли коробки цехов первой очереди завода. И тогда в узкий залив бугты Лаврова пришли первые траулеры с рыбой.

На открытии завода не гремели духовые оркестры, но было и осыбно приветливым, но все равно празднично торжество мужества и воли состоялось. И Николай отчаянно жалел, что не было с ним рядом, что вы, некая так часто говорившая о его будущей жизни, не видели итог только одного года его жизни.

За первой очередью цехов вско-

ЭТО СЧАСТЬЕ—
ЗАЩИТА МАЯКИ

ВСТАТЬЕ
РЯДОМ С МУЗЕЕМ,
ПИНА!

ре вступила вторая. Открылись магазины, парикмахерская, столовая, медпункт, клуб... В бухте Лаврова устанавливалась нормальная жизнь: справлялись с работой, рождались дети. И первого из них строители назвали Лаврушкой — в честь бухты, покороенной комсомолом.

Сначала все Камчатка знает имена бригадiera Василия Паничкина, строителя Олега Любченко и его жены Нины, капитана Алексея Александровича, старшего технолога завода Валентина Корочки. Смельчаки девчата во всех испытаниях, которые уготовил Север комсомольцев, все равно были радостно победными, рядом с мундыми. И никакие трудности, никакие лишения не внесли разлада, не поколебали их чувства.

— Трудности, лишения... — возможно, скажете вы — А зачем все это?

Вы читали письма Николая в кругу семьи знакомых и они тоже поминали плачущим: «Странный парень, но умеет жить... И на их безмятежных лицах вы читали преобретение, продвинутое изначальной философией: мечтающим жить надо ради собственного благополучия!

И в самом деле, что плохого в том, если у человека благоустроенная квартира, а по вечерам он надевает красивый костюм, уминает в запыленном огнище ресторане. Вы смотрите на своих знакомых: приятно одетый, причисенные по последнему слову западного парикмахера, они всегда умеют ловко подыграть пальто, подогнуть куртку. Они всегда готовы «подстать» модную кофточку, заграничную шубку. (Деньги-то у вас есть: ведь Николай регулярно присылает вам большую часть своей зарплаты).

Да, пожалуй, если поставить ваших знакомых рядом с Николаем и его товарищами, рядом с ребятами в рабочих комбинезонах, в запыленных сапогах, рядом с теми, кто прокладывает в тайге железнодорожные вехи, воздвигает домы и электростанции, внешне, конечно, выигрывают ваши знакомые. Но только внешне!

И тут нам хочется напомнить вам, что вы еще совсем недавно писали в своих школьных сочинениях. В них-то вы восторгались не этими модными мальчиками, а героями целыми, не ресторанными философами, а покорителями сибирской тайги, строителями Братска и Бергского канала.

Итак, поехали. В жизни вы встретили человека одной с ними закалки. Человека щедрого сердца. Человека, для которого жить — значит отдавать людям свое знание, свои богатства души. Вспомните, в Москве он делился с вами всем, что знал сам, — и вы окончили школу.

Сейчас он отдает своего себя освоенно сурового края.

— Они не умеют жить, — говорят о таких людях ваши знакомые. Что можно дать тайге с ее мошаркой, морозами, глушью?

Такова философия тех, кто привык только брать, ничего не давая взамен.

Им непонятны люди, которые способны поступить своими, личными, во имя других, во имя нашего общего дела.

Их не могут понять, что в нашей стране, поступая подчас своими личными интересами, человек обязательно сторицей получает от общества.

Казаюсь же, прямо во вред себе, своим интересам поступила Валентина Гаганова, перейдя в заработную бригаду и потеряв в обработанной пшенице. Безусловно, на много успешнее свою жизнь и семинар Ярослава Чик и кукурузовод Люба Ли, добровольно взяв на себя высокие трудовые обязательства перед Кувачевым. Конечно, с точки зрения обывателя, они поступили глупо. Но посмотрите, как щедро вознаграждает народ этих людей. Многочисленный ряд последователей! Каким душевным теплом окружены они!

Разве можно сравниться с этой горстью бескорыстной человеческой редкостью, которую приносит уважение целой страны, мелкое, эгоистическое счастье? Мышанина. И при этом, правда, права известная Кувачева. Кувачева металлургического комбината А. Петухова, когда говорит:

— Разве можно довольствоваться лишь приличной зарплатойкоммунистической и любимыми детьми! Достигнув этого, человек, по-моему, все же не будет этого считать своим самым ценным благополучием: никогда не даст полнок счастья...

«Уминать жить». Какой же разный смысл вкладывается подчас в это выражение! Для одного, оно означает умение урвать как можно больше жизненных благ. Для других живешь в жизни заключаешься в том, чтобы содать эти блага.

Для одних удача — это быть на виду у начальства, иметь неплодотворную работу. А для других — и ним принадлежит ваш муж — самая большая удача быть на виду у жизни, возводить в тайге города, штурмовать в далеком море, возводить домы, электростанции, заводы.

Но создавать что-либо всегда гораздо труднее, чем просто потреблять готовое. Вот почему наш народ создающий самое справедливое общество на земле, окружает почетом и уважением тех, кто строит, создает, ставит жизнь, а не тех, кто пытается проехать по жизни на чужой горбу.

На нашу долю выпало счастье жить в удивительно интересное время, время борьбы со всем отжившим, насилием, чудом и нечеловеческим. В годы бурного роста всего нового: новых отношений между людьми, новых научных открытий, замечательных свершений человека. И каждый из нас должен найти свое место в этой борьбе. Выбор прост: или ты с теми, кто идет вперед, или ты несмотря ни на какие препоны и трудности, или с теми, кто только чахнет, загрязняя свежий воздух, мешая под ногами...

...А теперь с Николаем на берегу бухты Лаврова. Рядом грохочет океан. Мы думаем о вас, о вашей жизни. Слышите, Нина, еще не поздно. Презируйте судьбу, оставьте слезки к плечу с Николаем, и вы проживите свою жизнь не зря.

ПОСЫЛАЮТ "СМЕНЕ"

В «Смене» № 16 за 1962 г. была опубликована статья Ив. Серикова «Агрономы просят оружия», в которой ставился вопрос о необходимости «вооружения» агрономов приборами и оборудованием для контроля за состоянием плодородия почвы, анализом удобрений и определения качества сельскохозяйственных продуктов.

«СМЕНЕ» ОТВЕЧАЮТ:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ГОСПЛАНА СССР С. А. МЕЛЬНИК:

В настоящее время принимаются серьезные меры по дальнейшему развитию производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений и поставке их сельскому хозяйству.

Одновременно с этим при всех территориальных производственных колхозно-совхозных (совхозно-колхозных) управлениях в 1963—1964 гг. организуя агрохимические лаборатории, намечается укомплектовать их кадрами, обеспечить необходимым лабораторным оборудованием, приборами и реактивами, требующимися для проведения в колхозах и совхозах систематического агрохимического контроля за состоянием плодородия почвы.

В колхозах и совхозах открываются небольшие агрохимические лаборатории, оснащенные необходимым оборудованием, приборами и реактивами.

Снабжение всех этих лабораторий необходимым оборудованием возлагается на Министерство сельского хозяйства СССР.

Одновременно с этим Госплану СССР поручено предусматривать в годовых планах начиная с 1963 года производство наиболее дефицитного лабораторного оборудования для агрохимических лабораторий.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ЛАБОРАТОРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР П. И. ГОЛУБЕВ:

Современно и правильно ставится в журнале «Смена» вопрос об оснащении колхозов и совхозов агрохимическими лабораториями быстрыми анализаторами почвы и удобрениями.

Коллегия Министерства сельского хозяйства СССР возложила работу по комплектации и снабжению колхозов и совхозов агрохимическими лабораториями на трест «Союззоветснаб». В этом году колхозам и совхозам отпущено 2 300 комплектов агрохимических лабораторий.

Однако республиканские министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов (особенно в РСФСР) уделяют мало внимания реорганизации этих лабораторий, поэтому они медленно внедряются в производство.

Наша специализация сельского хозяйства, приятно ответить, что журнал «СМЕНА» взял на себя инициативу по коренному упорядочению агрохимической службы.

Мы полагаем, что республиканские, краевые, областные молодежные газеты подхватят инициативу журнала «СМЕНА» и возьмут постоянное шефство над агрохимическими лабораториями в совхозах и колхозах. Первые же комплексные организации на селе должны помочь наладить работу в этих лабораториях.

ПОЧВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. В. ДОКУЧАЕВА:

В статье Ив. Серикова «Агрономы просят оружия» поставлен очень важный вопрос об оснащении работников сельского хозяйства новейшими приборами и оборудованием.

В связи с этим мы предлагаем работу по составлению крупномасштабных почвенно-агрохимических карт колхозов и совхозов. Для проведения химических анализов почв при производственно-территориальных управлениях решено организовать специальные агрохимические лаборатории с новейшими приборами и аппаратурой.

В колхозах и совхозах, особенно в зонах интенсивного применения удобрений, будут созданы лаборатории, оснащенные более простым и более дешевым оборудованием.

Организация агрохимической службы в стране и «вооружение» агрономов приборами и оборудованием будут предусматриваться в широком расхождении миллионов тонн удобрений и будут способствовать быстрой интенсификации нашего сельского хозяйства.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Трибуна «Смены»

БЕЛЫЙ ПРЕСТАВЛЕН ДОССОДОВОЙ И АМ ГУМ

ЗАВОД-НОВИНКА

Это здание уже своим наружным видом отличается от привычных глаз сооружений: на многие сотни метров раскинулся на холме высокий, палевого цвета куб; в нем нет ни одного окна. Если посмотреть на здание сверху, то крыша предстанет в виде ячеек. На ней не видно привычного «баддаина» из стекла, который называется «фронирна». Летом в ячейки заливается вода. Циркулируя, она поглощает тепло солнечных лучей, не давая нагреваться зданию.

Вестибюль из алюминия и стекла больше напоминает вход во Дворец культуры или кинотеатр. А ведь это обычная проходная.

Освода мы попадаем в огромный зал-цех. Его площадь — 15 тысяч квадратных метров. Широко расставленные колонны создают ощущение простора. Прочув становится понятно, почему в массивных стенах здания вообще нет окон: широкие потоки дневного света льются с потолка, равномерно освещая все помещение.

Все оборудование цеха окрашено в светлые тона, которые радуют глаз, способствуют снижению утомляемости. Но утомляемость снижается не только этим. Человек устает от шума. В зале — шестьсот жаккардовых станков, но шума их почти не слышно. Это происходит акустический слой на алюминиевых листах потолка, подвешенного к металлоконструкциям.

Может быть, из-за отсутствия окон в помещении душно? Нисколько. Мощные установки кондиционированного воздуха поддерживают в зале постоянную температуру и влажность. А цветной пол, покрытый бесшовной полимерной пленкой, не задержит и пылинки.

Помещения вспомогательного производства и инструментальные кладовые располагаются тут же, на первом этаже. Над ними — на антресолях — отдели и службы заводоуправления.

Директор предприятия, открывая дверь своего кабинета, попадает прямо в цех! Сюда же выходит дверь eines «лодосбок» — теперь за инструментом и материалом далеко ходить не нужно.

Широкий зал ведет во владения службы быта. Щедрые потоки дневного света заставляют забыть, что все это, по существу, находится под землей... Душевные, умывальники и туалетные комнаты оснащены самым современным сантехническим оборудованием.

Совсем не по-заводскому и в заводской обстановке. С виду это скорее вечерняя кафе, где можно собраться и посидеть с друзьями.

Итак, где же мы побывали? Уж не на заводе ли будущего? Нет, будущее уже вошло в сегодняшнюю жизнь. Новый цех жаккардовых тканей фабрики имени Я. М. Свердловского построен в Москве, в Новых Черемушках, уже дает продукцию.

С. МАРКОВ

РУКОЮ

Срочное письмо
составлено 02.11
21.11.1977
1977

ПУГАЧЕВА...

Тиниственные письма. Зашифрованное послание. Не старайтесь, не угадаете. Перед вами — не письмо, а документ. Все мы знаем, что Емельян Пугачев на умел ни читать, ни писать. И тем не менее «текст», запечатленный на этом снимке, действительно написан рукой престынского восставшего 1774—1775 годов, выданного бегца за императора Петра III. Перед Пугачевым стояла трудная задача: как сохранить свой авторитет среди приспешников, поддерживать легенду о своем царском происхождении, получить полную признательность Емельяна Пугачева, на получившего никакого образования. А ведь среди его сподвижников были и люди средних сословий — мелкопоместные дворяне, последние, нераскольные дворяне. Легенда о Петре III, а вместе с ней и созданный на ее основе труд политической организации восставших могла ругаться от какого-либо случайного вопроса, письменной просьбы. Наконец не исключалась возможность предвзятой провизии приклетственных агентов.

В архивных документах сохранились показания лиц из ближайшего окружения Пугачева, раскрывающие тайну автографа легендарного крестьянского вождя. Желая упомянуть в даче восставших свой авторитет и веру в легенду о «Петре Федоровиче», Пугачев неоднократно говорил своим приспешникам, что «умеет

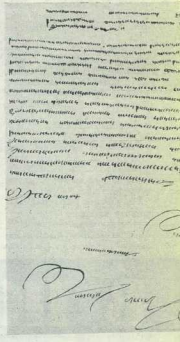
писать на двенадцати языках». Чтобы рассеять все сомнения, он же, при них, орал перо, возмугу и, начав писать, Невестно покаяние секретаря «Военной Коллегии Пугачева» Максима Горюхова об одном из таких эпизодов: «Видно в один раз, что сего мовзвещ сам писал попером по бумаге и по написанию с постражицы показыва перед ним стоящим с писанием: «Прочтите-де что я написал». Но ина не писано было по-русски, то все что грамотей означил: «Мы-де не знаем, ваше величество, что по-русски». На что самозванец, улабушачивая сказал: «Горюде вам знатно?». Стоит ли объяснять, какое огромное воздействие оказывала эта хитрость на людей, окружавших Пугачева. Она гнула всяких слов горюде об исключительной смелости и природном уме народного вождя, его хладнокровии и выдержке.

Автограф Пугачева, который мы видите на этой странице, был подробно повстанцами в осенний или год перед 20 декабря 1774 года. Сам Пугачев уверял, что в нем содержится требование о немедленной национализации оружейного производства. Сохранился рапорт генерал-поручика Рейнсдорфа с описанием этого происшествия: «При сем представлено письмо, из которого видно, что Пугачев, в третий или четвертый раз, уверяя нас

ходивших в форме его, называвший и не изглаживший никаких литер, которые оригиналы при сем представляются». А вот и конверт с адресом, в который было вложено это письмо.

В настоящее время обнаружено шесть автографов Емельяна Пугачева. Три из них хранятся в Центральном государственном военном архиве при Советском Союзе ССР, в фонде Секретариата Госплана «Военная Коллегии», а «Детак Пугачева». Интересно, что найдены они были Алексеем Сергеевичем Пузыриным, Белгородским в период его работы в «Историчеи Пугачевского бунта».

В. ПРОКОПЕНКО

«МАЛЮТКА»

Своими крохотными размерами эта машина полностью оправдывает название «Малютка». Ее длина лишь немногим больше полтора метров, ширина — 1, а высота 67 сантиметров. «Малютка» пригодна по душе многим любителям туризма. Верного и надежного помощника найдут в ней сельские почтальоны и обходчики газопровода, бригады полевых войск и бригад и надсмотрщики линий

связи, охотники и любители-рыболовы. Основное преимущество новой машины — простота конструкции, надежность в эксплуатации, очень небольшая стоимость.

Конструировал и изготовил чудесную машину слесарь Чебоксарского завода тракторных заготовок Александр Иванович Чувашский АССР Владимир Иванович Шаршин. Он использовал алюминий, выпускаемые промышленностью. Пятикопийная машина под силу многим конструкторам-любителям.

На «Малютке» установлен экономичный бензиновый двигатель от мотоцикла «К-125» с принудительным воздушным охлаждением мощностью 4,7 лошадиных силы. Он расходует всего лишь три литра горючего на 100 километров пути. Машина под силу развивать скорость до 55 километров в час.

У мотоцикла уменьшенный диаметр бензобака с увеличенным сечением. Оригинально выполнена подвеска переднего и заднего колес. Она очень эластична. Поэтому при езде по проселочным дорогам или грунтовым местностям машина совершенно не испытывает толчков. Удобное, широкое сиденье с подушкой из губчатой резины легко вмещает двоих пассажиров.

В бадыо залегают медленно, неухоженно. Еще не успев привыкнуть к негнущимся шахтерским латам, к тяжелым сапогам, к каске.

Подаривая, бадыо идет вверх, замирает, и под ней распадается яма. Широкая, черная, восторженная, она молчит, но в ее молчании угадывается шепот...

Пальцы крепко сцепляются в борт бадыо, и начинается спуск в отдающую холодом пустоту. Темно. Только оранжевый пяткачок шахтерской лампочки выхватывает из мрака цифры — отметки глубин: 85, 217, 351...

Сказку навстречу нам начинают расти свет, неяркий, красноватый. Он говорит, что скоро спуск кончится, и вот бадыо, словно покаянная аростата, повисает в трех-четырех метрах от земли.

Под нами пять или шесть человек, одетых так же, как мы, но с лопатами и перфораторами в руках — бригада треста «Спецшахтострой», работающая в первом стволе. Слышна команда: «Хоп-хоп!», — и кто-то невидимый бережно ставит бадыо на землю.

Мы среди шахтеров. Они немного разочарованы: ждали бетона, а вместо него спустилось начальство с двумя журналистами...

По каскам бьют тяжелые черные капли.

— Как вода? — спрашивает начальник участка Валентин Любимов (он стал

нашим экскурсоводом по шахтам Солигорского калийного комбината).

— В бряжке, — отвечает ему кто-то. — Не больше куба за смену...

И Валя начинает рассказ.

— Мы на дне первого ствола, — говорит он, — прохода его началась в декабре 1960 года. Сейчас она кончена, ведем армировку Армивором. Это значит, что стены шахтного ствола будут облицованы чугунными тонбитами, закрыты бетоном, это значит, что вместо шахтой бадыо вниз пойдет удобная, вместительная скоростная калет... А пока...

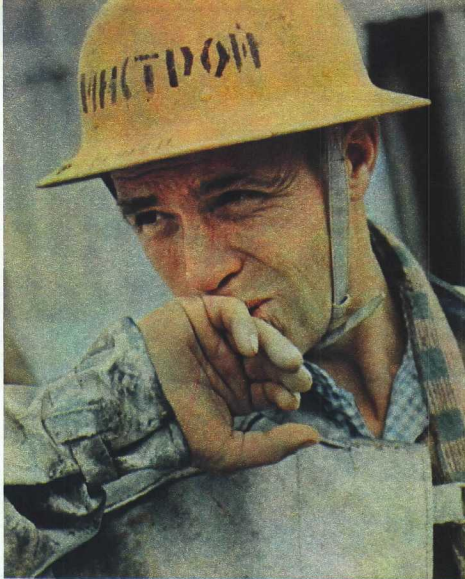
Пока в первом стволе работает бригада Солявников. Льется на бригаду холодная подпочвенная вода, стоит бригада чуть ли не по колено в черной раскисшей жижке...

— Валя, — говорю я Любимову, — а где же вся красота? Где же солигорское «метром»? (О, как много говорили нам об этом «метро» и в Москве и в Минске! «Красота, — говорил нам, — чисто, светло, стены красные цвета с белыми прокладками — загадывались!»)

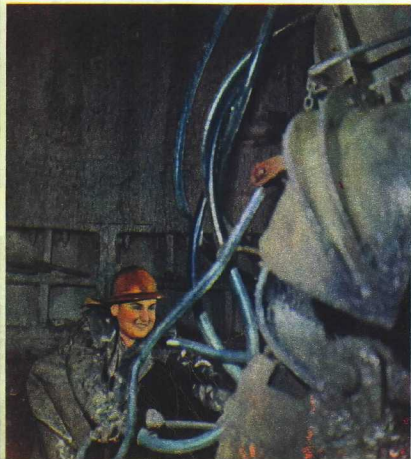
— Все будет, — отвечает Любимов. — И «метром» наше будет...

Мы снова поднимаемся. Тридцать метров вверх, и...

Да, это красиво: полукруглые свода, темно-красного цвета с белыми прокладками стены — они сложены из слябшинта. Вот она, калийная соль. Тонны слябшинта — тонны

В ПОДЗЕМНОМ ГОРОДЕ

Парниги, прорубающими дорогу и соль, командует начальники участка инженер Валентин Любинов.

Маршебадр Гали Селиванова — современная «хозяйка Медной горы».

минеральных удобрений, шпешичные, ржаные, кукурузные центнера...

Мы идем по подземному городу. Идем по широким его улицам, сворачиваем в переулки, выходим на площади. Остановиться бы здесь, на углу, поговорить с приятелями, выкурить папиросу... (Стоит Курить нельзя: ты же в шахте!), встретить знакомую девушку... (Какая девушка—ты же под землей...) Мы сворачиваем за угол... и встречаем девушку... Курлюсову, голуболазую девочку, вот только не увидишь под шахтерской каской, кто она — блондинка или брюнетка Гали Селиванова — маршебадр, разведчик. Это она намечает, где пойдут новые забои. Гали Селиванова... Я вспомнил «Хозяйку Медной горы». Вот как обернулась эта сказка...

Подземный город. У него есть и транспорт. Нет, это не автомобиль и не автобусы. Руду доставляют от забоя до ствола по мощным ленточным транспортерам. Длина их более десятки километров.

Подземный город. Три дороги, три ствола ведут к не-

ЭКСПКУРСИЯ «СМЕНИ»

Е. ХРАМОВ

Фото В. САККА.

Человек и многогоный пневматический погружник. Машина поворачивается человеческому уму. (Сильно крайний слева.)

Вагонетки, наполненные сыльвинитом. Он подымется на-гора, чтобы превратиться в высококачественные минеральные удобрения.

му с поверхности земли. Мы приехали в него по одной дороге, а уезжаем по другой. Ствол № 2. Он уже полностью закончен. Спуск и подъем по нему почти ничем не отличаются от подъема в большом лифте московского высотного дома. Только вместе с тобой ждешь лифта не девочки в школьных плащниках, не солдаты домохозяйки с сумками, полными всякой всячины, а крепкие, пластичные парни в шахтерских робах. Они улыбаются. Наверное,

«Перенур». Вот только не закуришь: глубина 400 метров.

Командир стройки Вилему Жадану всегда есть о чем поговорить с шахтерами.

они хорошо поработали в эту смену.

Мы прощаемся с подзаемным городом, а наверху нас ждет другой. Нам встречку к нам выводит Солигорск. Он еще по пояс в строительных лесах, но уже встали кварталы жилых домов, уже тупятся зрители к заднему широкоэкранному кинотеатру, уже солигорские футболисты заставляют воево переживать болельщиков, а Солигорской горнометаллургической техникум проводят первую сессию. Готовятся к экзаменам проходчики и буроводы, бетонщики и камнерезы — парня и девчата из Белоруссии, Литвы, Украины, все те, кому сказал комсомолец: «Солигорск —

это ваша стройка. Ударная, комсомольская». Они будут отвечать на вопросы по электротехнике и химии, технологии и сопротивлению металлов, но имет уже слыши другие, не менее трудные экзамены — деревянные арки складов сыпавниги, выделанные на-горы вагонетки рукам, светящиеся окна новых домов.

Приезжайте в Солигорск все, кто любит молодой город, все, кто хочет увидеть своими глазами, как слово молодежи становится делом. Дождитесь туда ветруду. По едем на самолетею до Минска, а там в Солигорск каждый день идут автобуса. От площади. Возле вокзала

Растет самый молодой город на белорусской земле.

К ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ШТОРМ

Четвертый день ветра ревет.
Четвертый день в бараче пьют.
Четвертый день в окошко,
«кварты» играют пивные хласты,
орут про Мурку от Души,
чуть что — берутся за ножи.
В востоке лодка говорит:
— Опыть севонияи бузят!
Качают молча головой,
барак обходит старовой.

На пятый день пришла беда:
сорвало штормом невода.
И мы смотрели, как в туман
не ставники уносит — плам,
ладеждаи напим, вину честа —
все,
чем полгода жилаи здесь.
От злости пухай жевачки,
сжимались сами кулачки.
Гадая мы и так и сик,
и кто-то вспомниа про барак.
Но там все речи нишечем,
сказали:

— К черту! Не подем! —
У рта узмалкаи атаки:
Пускай работает актив!
Мы рассуждали так и сик,
мы говорили про барак.
Мы знали: надо к ним пойти
и к Душим их найти пути,
чего б ни стоило.
Но как?
Кто б смог из нас поднять

барак!.

— Ну хваит, хлопцы! Что за
тор? Я сам пойду, — сказал партор.
...Он встал спокойнйо у авери,
он ничего не говорил,
не в стидии,
не звал он их,
но смолк барак,
барак затык,
барак испуганно смотрел,
как шрам на шее бегровеа,
как тронуа шеку верный тик,
как голубою он повик.
Он не ругался, не просил,
он был судьей, и он судил.
Судил их шрамиа, судьбой,
своею рапней седмий.
Судил от имени людей,
оставшихся среди полей,
споривших в пламени атак...
...И разом опустел барак.

Пускай пройдет немало лет,
но я запомню тусклый свет.
Запомню, как издадека
по небу гнала облака,
как ласала волны за рески,
как приливала кровь в виски.
Запомню штрма гулакый бас,
как с ходу прыгала в баркас,
как весая вынулуся в луту,
как ждали нас на берегу.
Я не забуду никогда:
китела черная
вола,
вола хлестала
в тынхай борт,
и забивало ветром рот.
Я не забуду ни за что
ни этот день,
ни этот штрм...

ОТКРЫТИЕ

Море хлещет в лицо волною.
На штурвале стланет рука.
И качается за кормую
Надвоние берега.

Перископом подводной лодки
Всплывае верхняя голова.
Слева — Бровот, Макс Натюскин,
Справа — Яйсские острова.

Третий день мы уложим волми,
Третий день бредем паута,
Ход то малый,
То самый полный,
Но никто и ему не рад.

Сможана песни.
Утихли споры.
Наши мысли сейчас прости:
Забудуанься в злеаном море
Коскии голубой кеты.

Забудуанься где-то,
Пропаи.

Видно, тутго мы в штрм
Прельстимся...
Я совсем не сердитый парень,
Но во мне закипает злость.

Сейнер кажется мне корытом,
Море кажется лужей мне...

Говорили, что все открыто
В этой северной стороне.
Все открыто — зманы, косы —
До последнего островка.
Но встает впереди вопросом
Незнакомые берега.

На руках набухают вены,
Голубые текуть рукам,
Наши волны — что сядат пенят,
Впереди — пока что тлгичи.
Впереди — неизвестные штрмы
И желтый деляный вал.
Так не хмуритесь, ребята!
Что мы,
Не умеем держать штурвала!

Куре — нора-ост!
И красевый сейнер
Режет грубую амтую гадь...

Я приехал осывать Север,
А придедасе кто открывали!

ПОСЕЛОК МАРИНКА

Где сбжеался к морю, на
пригорюк,
Тонкие болтаине осики,
Расположен маленький поселок
С ласковым названнем —
Маринка.

По его тихии переулкам
Я бродил с надеждою на
встрету.
Почему, Маринка, на прогулку
Ты не вышла
В этот душный вечер?
Салотки кулья я в кружных росах,
Колбушкии привила травилась,
Где-то пели о девичьих косах,
Может, это
О тебе, Маринка?
Провожала я золотую зорьку,

Творчество Ветра

Валенту Кузнецову 27 лет, он живет в Магадане. Эти края мне хорошо знакомы. Грядущие лет назад я впервые увидел бухту Назева. Тогда там была небольшая поселок. Сейчас он вырос в большой благоустроенный город. Побывав в Магадане три года назад, я еле узнал те места, где когда-то бежали на лыжах за карготками. Сейчас они залиты асфальтом, а округе высятся многоэтажные дома.

Одно не изменилось — море. Оно по-прежнему то же: хмурое и бирювое, холодное и неприхотливое, Охотское море. Его трудно полюбить, да и оно не каждому полюбят. Морская и рыбачья уже по самой своей профессии лучше всех знают его норовистый характер. Но и свой характер они дают ему почитствовать. В споре слышится взаимовоужаление. Оно определяет отношения рыбаков к морю и моря к ним. А Охотское море может быть не только жестоким и неприхотливым, но и щедрым до радушия и радушием до щедрости.

Своими стихами молодой магаданец обаял морю. Он ощутил его ширь и размах, узнал силу его сопротивления и радость дружбы с ним. Такое чувство не приходит от суши. Тяжелый рыбачий труд хорошо знаком В. Кузнецову. В своих стихах, просторных и резких, как взмахи весла в непогоду, он раскрывает мир, в котором живут прямые и смелые люди. Дружба

на словах, а на деле, товарищеская взаимовыручка характеризует их поступки. Заботимо до трепетности, но по-мужски, без сантиментов относятся они к новичкам, в которых сами еще недавно ходили.

Читая стихи Кузнецову, я все время узнавал приметы своей юности на Охотском побережье: цыклокочущий запах водорослей, черные борты куманосов, разгул темно-серых волн у прибрежных скал. Сейчас там другая юность запускает моторы, готовясь к выходу в море. Валенту Кузнецову в один из этих выходов вместе с чешуйчатым серебром удалось выловить из моря неразменное серебро плазмы. Он довез его до берега и раздал его своим друзьям.

Мы ждем новых выходов в море от молодого калмычанина. Первый оказался удачным.

С. НАРОВЧАТОВ

Доблювался бухтой на рассвете.
Приходила к рыбацким на

вечеру,
Но нигде Маринки я не встретила:

Ни в селе,
Ни на глухой тропинке,
Где расклялся самый первый
лютик...

Может, ты
И не жила, Маринка?
Может, тебя выдумали люди?

Может быть, они тебя не знали?
Строя хаты на лесном сулавине.
О счастливой дальюшке мечтали
И называли дальюшку Маринкой...

Все равно на них я не обижен
За свою такую неумачу.
Я знаю, откуда тебя,
Улыбку —
Ведь искать
Я только еще начал!

НОВЫЙ ДОМ

Нам всем хотелось
в этот новый дом,
где все светло, синее, голубовато!
В бараке напьем, темном и
сыром,
нам за два года так осточертело!
Мечтали мы
в чехлах, да сейрахах —
о самых светлых комнатах на
свете.

о ванной,
о покрашенных полах
и — живнито! — теплом туалете.
И вот пришла
тот драгоценный час!
Еще с утра уеззаны пожитки.
Ждут новычки, утешенья на

баряк,
когда освободится общежитие.
Они сплывно, терпеливо ждут,
а в их глазах — рывершиность,
тревога...

И стала для нас
в пять раз
длиннее путь
от старого до нового порога.
Еще, волнуясь, говорила комсорг:
— Путь в силе
продут сквозоз это пекло!
Но, как туман, растаяла наш
и радость обаяния и любезная.
Нам так хотелось в этот новый дом!
Да!

Нары нам давно осточертели!
Но каждый вспоминал
в этот миг о том,
как на баряксе тоже мы сидели,
как два холмошны, немосковский
дожарь
и как всю ночь
нас колотила дрожь
в разрушенном, нетопленном баряке.

как двое наших, не дождав утра,
собрали вещи и ушли
на пристань...

В глаза друг другу
мы взглянули пристально
и новичкам отдали ордера...
Ах, как шумел
весь вечер новый дом!

Как пел в нем,
плясая под гитарой!
В баряке напьем, темном
и сыром,
вздыхая парни
да скрипя нары...

НАЧАЛО

Пароходный гудок!
Пароходный гудок!
На крутом берегу —
гудок.

А внизу, где вола
рубят берег с плеча,
Продолсяный навазлов
Деревянный причал.
Деревянный, простой.
Весь пропихивший кетой,
Садковостым бензином,
Капустой морской,
Распела, разметалась
Над бухтой заря.

В золотистую волю
Лытит вконец.
И выхлудит ребята
Из tých кают,
И стонет,
И молчит.

Пантвроск жулит.
И хрибается немного —
Дескать, все нипочем! —
И поводит небрежно
Улыбавым плечом.
Лихо крутят чубы
Цветом в спалуру рожь...

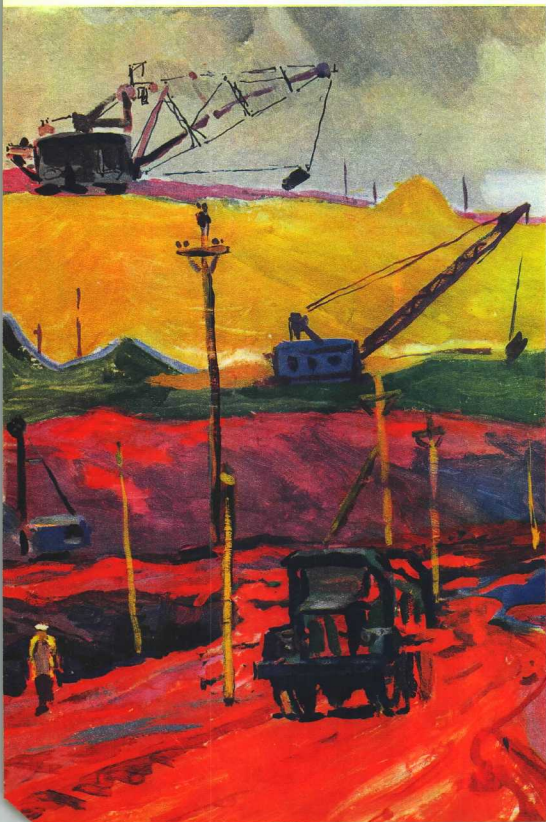
Вы простите их, люди,
За невнятную ложь!
Вы поинте их, люди,
Этих хрупких китов,

Что еще не спосина
Пары зрелых штанов,
Что еще не отмыли
В пальмы вьезжихи кляксы.
За душой у которых
Детский садик да класс.
Вы поинте их, люди,
Тонкошевых ребят.
Что, еще не любя,
О любви говорят,
Что еще не умеют
Пока ни черта,
Весь багаж у которых —
Росляк да мечтал
На далеких верхинах
Белым облаком снег.
А на палубе — шутки,
А на палубе — смеки.
Кружат нары чубы,
Шурят горло глаза.
Только знаю, что кто-то
Уедет назад,
Только знаю, что кто-то
В рывашир сажет
Потихоньку сбегит
От мечты и от нас.
И тогда из баряка,
Не сказав ничего,
Унесем мы кровать
И забудем его.

Скалят зубы мальчишки
И глотки дерут,
А на душах у мальчишек
Копышки скребут.
Смех хочется мальчижкам
Жизни хлебнуть.
Открывается мальчижкам
В мужество пути!

...От причала к борту
Подполза катерок.
Пароходный гудок!
Пароходный гудок!

ГУДИТ ЖЕЛЕЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Здесь все поражает: гигантская, семидесятиметровой глубины чаша котлована; разнообразие вскрышных пород и самой руды — необычная игра красок, предельно насыщенных и как бы утверждающих полнокровие жизни земли; мощные механизмы, вершины двадцатитонных «МАЗов» на дороге, соединяющей карьер с дробильно-сортировочной фабрикой...

Лебедянский рудник Курской магнитной аномалии еще молод. Он родился на месте тихой деревушки с поэтическим названием «Лебеди» и был объявлен комсомольско-молодежной стройкой. Сейчас это мощное предприятие дает больше половины всей руды, добываемой на Курской магнитной аномалии. Рудник продолжает расти. Полным ходом идет строительство второй очереди дробильно-сортировочной фабрики, автотарна и второй очереди карьера. Гудит железная земля...

На Лебедянской руднике в обрел новых друзей — скромных и мужественных горнодобытчиков. Им и посвящены эти рисунки.

Александр СЫСОЕВ,
художник

Вот она, рудная кладовая. Запасов в ней — на десятки лет.

У тебя свободный вечер?

На вахте комсомольский патруль.

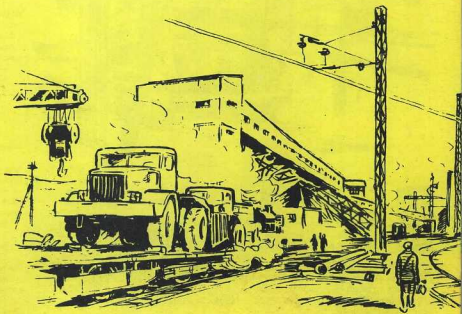

О Павле Дубенцове в двух словах не расскажешь. Помощник машиниста экскаватора, он же член комитета комсомола рудника, первый весельчак, танцор, спортсмен. Недавно Павел стал еще и студентом — поступил на вечернее отделение заочного политехнического института.

В полку «МАЗов» прибыло.

А это Вера Соколова. У нее редкая для девушки специальность — помощник машиниста электровоза. Редкое и упорство в труде.

ШАДРАК ШАДРАК ШАДРАК

Живет он в поселке почти десять лет, уезжать вроде никуда не собирается. И все-таки упорно остается в его жизни какая-то неустойчивость. Это рано или поздно ему придется покинуть этот поселок и уехать неизвестно куда... Откуда берется эта неопределенность?

В Петровском, в треске, мне не советовали ехать в Колово: «Слишком далеко, добираться туда трудно...» Но я все-таки поехал.

В обычный день Колово — тихий лесной поселок, каких очень много в таежной зоне страны. Находится он в Карелии, в Заволжье, в Пудожском районе, на реке Водла.

Когда едешь по северной реке или вдоль ее берегов, обязательно увидишь такую картину: среди зеленых живописных берегов вдруг проглядывает берег, усыпанный корой и ароматно пахнущими шишками, огромные глыбы бревен, трактора, тресы, лебедки, бочки и с горючим; место это называется лесной биржей. Невдалеке виднеется поселок.

Таким оказался и Колово. Река проедет по улице машина, подвывая облако пыли. Днем в поселке безлюдно. Колово рано встает и рано засыпает.

Вокруг сплошной стены встал лес. Река несколько оживляет пейзаж, а за рекой снова лес. Везде лес.

Но настоящий лес, в котором работают лесорубы, начинается не здесь. Вокруг поселка остались чернышеские для молодежи, годятся лишь на дрова. Да от того чтобы понасть на лесоразработку, мало ехать по узкоколейке километров за тридцать мимо старых вырубок, поросших ярко пламененочным аван-чаем, мимо оставленных для обсеменения сосновых и еловых куртин, мимо зарослей кустарника, через болота и прогараемые лесные ручьи.

Наконец, широкая поляна в густом лесу. Реальсы кончатся. Стоит подымный кран. Лежат длинные еловые хлысты.

Чуть отойдя от лесосеки — и лес густеет, сдвигая со всех сторон. Частая ель с мшистыми стволами, выверенная с березами и осинами. Под ногами сухой мягкий мох, черничник. Бесконечный могучий лес, как говорят на севере, суетен. Лес, которого еще не касался топор человека...

Лес можно слушать долго, как слушаешь морской прибой: гуляет ветер по бесконечному лесному морю, шуршит в макушках высоких елей, а внизу — вековая дремота...

Звук шовел в этот нетревожный мир неожиданно — так входит в слух охотника песня гусарки. Он был далеко, был очень неопределенным, то возникла, то исчезла.

Я пошел на звук. Постепенно он приближался. Казалось, что тренинг лодочный мотор, но реки поблизости быть не могло. Вдруг маякнув одной из елей качнулся, и дерево начало валиться. Кто-то предостерегающе крикнул, и ель с гудящим стуком упала на землю.

Среди леса ходил человек с бензопилой в руках. Он подполз к дереву, приставил к стволу стрекочущую пилу, и через несколько минут ружьяная еще одна столетняя ель.

Человек вырубил небольшую полянку в лесу. Потом выключил пилу, вытер пот со лба и крикнул (оказавшись, он давно заметил меня):

— Перекрутил!
— Мои сам на ствол повальной ели. Познакомился.
— Иван Новиков, — представился паренек. Разговорился.

Потом я — интереса ради — попросил его попопробовать «спилывать». Паренек, усмехнувшись, разрешил. Честно говоря, это было жалкое зрелище...

Я встал в ручки пилы, нажал на газ до отката, мотор ревел, цепь бегово жужжала, слышался оппак, пила тикала, испускала клубы белого дыма, мышци заламало с непривычки, а пила «не пилала»... Пришлось садиться.

Тогда парень довел захватить пилу, нажал газ, и она вошла в древесину, как в масло.

Незаметно, но вальсно и упорно сходя, на эту полянку, пришло напряжение бравой грудной работы, напряжение труда. За вальсною ком пилы, обрубая ветки, сукорубы, вьются трясина и трясинно уркам трелевочный трактор-вездеход «Онежка». Трактор отбегнул бревна стальным тросом и, извалив один конек трестной ноши себе на горб, поехал вперед. Он вальсно, нитужно задвигая, рыча, переваливаясь, шел, будто на штурме, ломая преграды. А на полянку, поочередно, с разных сторон, скрежеща и урча, вывозили другие трактора. Они вальсно новый лес. Они ревели, как толки, идущие в атаку, а за ними пилы в наступление «пекоты» — парни в ватниках и сапогах, с пилами и топорами в руках. Они вальсно, ствоям, обрубали сучья, готовили бревна к отправке. Они вальсно, производя, беснуяю производство леса, вальсно зомото страны.

И я подумал о том, что эти парни с обветренными лицами и крепкими, корявыми ладонями, привычно держащими лесной инструмент, в круглой год — и в проливные дожди, и в дикие северные морозы, и в метель, и в лугу — выходят на свои участки. Эти парни — акция трудной, суровой профессии — лесорубы... И мне захотелось узнать как можно больше о жизни этих ребят. Нет, я не жалею, что приехал в Колово.

Поздно вечером, поаный ввечерний, я стою на берегу реки с новым знакомым — молодым мастером леса Александром Петровичем. Иду попорту Сашей Подгорных. Мы смотрели, как плывет мальной стьяв. Вода плескалась под берегом. Вечер дышала споконвистем. Чуть посподва небо и потемнела хвоя сосен, а все еще было светло. И попорнему удивительная тишина стояла вокруг.

- Тихо как у вас, — сказала я, — непривычно даже...
- Завтра будет шумно, — засмеялся Саша.
- А что завтра?
- Получка.

На другой день к вечеру я сидел у начальника лесопункта Федора Васильевича Николаева.

— Не верюм, как к нам попал, — сказала Федор Васильевич. — Сегодня у нас трудовой день. Получка. К тому же зарплата задержалась. Боялся, как бы теперь не доверился ребята...

Начальник рассказывает мне о лесопункте, о производстве, показывает карту лесосек, а пильщи он тревожно барабанит по стуку на пишущем столе. Он неслыханно впадает в оцепенение.

Вдруг резко распахивается дверь и кто-то кричит: «Федор Васильевич, арка в обшкетка!»

Вожим по улице. Вет и обшкетка — обычный четырехквартирный стандартный дом, такой же, как и все на улице. Возле дома кучками стоят ребята, у многих раскрасневшие лица. На пороге — парень с гармошкой. В отдалении стоят перепутанные женщины, видимо, соседки.

Ну, что вы, Федор Васильевич, — говорит парень, дыша водочным перегаром, — у нас тихо...

ПОЭТ КОММУНАРОВ

К 75-летию со дня смерти Эжена Потье

повье, Потье написан в июне 1871 года «Интернационал» — гимн, нашедший путь к сердцам коммунистов всего мира.

«Революционные песни» — так назывались сборники, выпущенный Эженом Потье в год его смерти. Эти песни призывали горючо участвовать в революции, воспевают героическую борьбу коммунаров. Включают протестный общественный строй, реализацию, инстинктивизм. Эти песни, неоднократно ранее печатавшиеся в прессе французских газет, стали антиавангарным средством революционной пропаганды.

Потье похоронен на кладбище Пер-Лашез, там же, где поименом расстрелянные в мае 1871 года коммунары. Над могилы поэта-работочего — скромное надгробие в виде ррраморной книги, на страницах которой вытеснены названия наиболее известных его песен: «Интернационал», «Маяк-Бедняк», «Паутина» и др.

Кроме «Исторические неурочногого памятника», как назвал Б. И. Ленин «Интернационал», Эжен Потье оставил нам и другие песни, до сих пор не потерявшие своей злободневности. Попробуем вспомнить их, и горючо зазвучит голос старого поэта, непримиримого врага капитализма, все горючо низкий почитатель борьбы с ним. Мы публикуем две песни Эжена Потье о новых переворотах В. Дмитриева.

И вдруг я узнаю: это же мой старый знакомый, Ваня Новиков! Выясняется, что на этот раз именно необычно странного не произошло. «Кто-то с кем-то сцепился, расстался их — и порочился...»

Я рассматриваю работ, комнату, обстановку. — На стенах две репродукции с картин: Репина «Сосновый бор» и Шишкина «Лесная опушка». И все. Сколько я ни оглаживался, не угадал ни одной кувиты...

Как выяснилось потом, эти две репродукции кружатся тут ли не в каждой комнате поселка. Висят они и в местном клубе — большом клубе, размещенном для эсты. Тут же в клубе были танцы. Я наблюдала за народом, стоявшим в фойе. Несколько девачат танцевал друг с другом, парни курили, разбивались кучками.

— Вообще-то скучновато живется, — будучи отауде мои мысли, говорит стоящий со мной рядом Саша Подурных, — каждый день одно и то же, заныться ничем.

— Много у вас молодежи? — спрашиваю я.

— Молодежь есть. В лесопункте несколько сот рабочих, примерно половина — молодежь.

— Так что же у вас делает комсомол? — задаю я наконец давню верящийся на языке вопрос.

Его товарищ Толя Макаров, тоже молодой комсомолец, пожимает плечами: — А его у нас как-то не видно.

Уже потом, знакомясь с делами в комитете комсомолоа, я обратила внимание: видимость комсомольской работы в Колове есть. В столе комитета лежат различные планы, подшиты многочисленные протоколы собраний, всевозможные решения и резолюции. Но, увы, все это только в столе. В жизни комсомольской организации настоящих дел пока нет.

А ведь здесь, в Колове, все создано для того, чтобы не было ни одного рабочего. Давайте посмотрим, где они, эти дела...

С одним из главных эдов лесного жителя-бытия — времешкой — я познакомился в доме Толя Бугаева. Судьба Толя Бугаева — типичная судьба многих жителей лесных поселков. Приехал в лес по ординару, отработал договорный срок и остался на Севере; здесь он приобрел специальность крановщика, стал неплохо зарабатывать, обзавелся семьей. Теперь он бригадир наваологоторгунком, профессиональный лесоруб.

Живет он в поселке почти десять лет, уезжать вроде никак не собирается. И все-таки уверенно остается в его жизни какая-то неустроенность. Словоо равно или позавоо придется покинуть этот поселок и уехать неизвестно куда...

Откуда берется эта неопределенность?

Немалую роль в создании такого настроения играет временный, неутоленный вид его жилища, дома, в котором он живет... Тесно этот дом держит плохо, сквозь его стены слышно все, что делается у соседях... Это и есть причина — неурочного его времени, когда деревья замали обычной дурнойю плодой, а вывозили на лошах, терпели многие неудобства, лишь бы отработать сезон, заработать побольше денег и уехать. Теперь уже давно закончилась сезонность. Прервана текущая работа предрочена: три четверти людей, работающих в лесопромоках Карелии, — постоянные жители. Многие изменилось в лесных поселках, многие! А времешка осталась.

Тот кому же заться за искоренение времешки, как не комсомолцам! Будет горючо, организовывать субботники, построят вместо времешки настоящие, добротные поселки. Так, как это сделали, например, в Шуйском аспромоке, где вместо эданий барачного типа строят новые удобные дома, а перед ними разбиты цветники. Видно, что здесь любят свое жилище, не считают его временным. И комитетом комсомолоа, активистами по плану змача добьются, чтобы каждый лесной поселок выглядел так же, как Шуйский.

Но не только в жинале дело. Простым увеличением жилищных условий времешки не искоренится. У человека существуют еще культурные потребности, запросы, которые растут в наше время буржевао с каждым днем.

— Я вспоминаю студенчество, общежитие, как мы жили, и чувствую: отстал я здесь от жизни, чужное слово, отстал, — с горючо признается Саша. — Найду место поучиться — и уеду.

Немалое влияние не у нашего Сашки. Так же думает и Володя Горин, сучурок. Парню надо учиться, расти... Но в поселке только начальная школа, а вечерней нет.

Но почему бы не создать в лесном поселке консультационный пункт, чтобы парочки из рабочих приезжали сюда хотя бы раз в неделю? Лесорубы наверняка выдены бы для них машины. И если бы комсомолцы зьязлись за дело по-настоящему, то каждому лесорубу в глухих лесных поселках мог бы учиться, повышать свое образование. Однако пока комсомол молчит...

А разве нельзя привлечь молодых людей любовью к хорошей книге? Впрочем, библиотеки в лесных поселках, как правило, зяведуют люди случайные. Вот если бы и этим делом на общественных началах занялись комсомолцы...

Можно, наконец, увлечь молодежь спортом, настоящим спортом. Да, можно сделать много, чтобы жизнь в лесных поселках стала по-настоящему интересной. Трудности жизни молодого человека в лесу могут быть предрочены! Для этого комитетом комсомолоа, комсомольскими активистами лесных районов Карелии надо только всерьез, по-настоящему обратиться к вопросу о быт молодежи лесорубов, помочь им сделать свой отдых помоо им сделать свою жизнь интересной и содержательной.

И тогда Саша Подурных и Володя Горин наверняка не уезят из Колова, а у молодого рабочего народа появится гордость своим званьем лесоруба.

П. ГОЛУБЕВ

Пропанганда песнями

Лицо меняется земля,
Конец явдета тяжелый,
Копарду а плахи прикладом —
И горючо ждут и сала!
В котому — песни! С ними —

в бой!

Спеши в поход веселый!
И пош!

Спеши в поход веселый!

Вперед! Сперва — на чердаки,
Надежда — в авангарде,
Уада, где равные чулки,
Где все эще — в ломбарде...

Где голод, холода, ледяной!
Иди скорей в маршард!
И пош!

Иди скорей в маршард!

Скажи крестьянам-беднякам
С И пош!
Чтоб ни зерна ростовщикам,
Расставившим ловушки.

Пусть лучше выждет зиму злой!
Иди скорей в избушки!
И пош!

Иди скорей в избушки!

Купи — поменяй имя поац!
И пош!
Уходи а пятки всякий раз,
Когда нужны денюжки.

Чтоб таял лед души скупои,
Иди скорей в лавочки!
И пош!

Иди скорей в лавочки!

Боишься собственннх всего,
Мерещишься убавки.

А вдруг отпичу у него
Семью и все пожитки?
Его волеенье усложки,
Иди к такой уалтке

И пош!

Иди к такой уалтке!

Войска — а глазу у нас белмо:
Они нуно богатым,
Чтоб кренче сдвинуть ядро
На нас проклятым!
Чтоб жид исчезнуа вековой,
Иди скорей к солдатам!
И пош!
Иди скорей к солдатам!

Париз, 1848.

Казарма и лес

Я собрался в Фонтенбло
Вылхать лесные орываты,
Но мне, увы, не повезло:
Кипянка кипит солдатам!

На скалах и в лесу — звезда
Колдот встречено неприветливо.
И тропок, выходящих в глезде
Рождя звук музычный.

Ковер постлала тишина
В долине дикой и тиешной.
Но вдруг там музыка слышна:
То сборт трубит горнисты.

Я здесь бродил, мечтал, и плаел,
И размешал о судьбах мира,
Но мне смертельно надоед
Вид сияния мушкетра!

Лобовым и винном разит,
Сержантам иранам с суром:
Им, сколько парочек лежит
Там, где палась корова!

Друзья, условившись тайком:
Взвстел не трогая почтенных,
Возьмем и лес прорезать
Подальше от военнх!

Фонтенбло, 1867.

СКУУЦА

НЕ ПРИЮ

Еще и еще раз оттачивает Раиса Гатица свой номер — «Испанский танец».

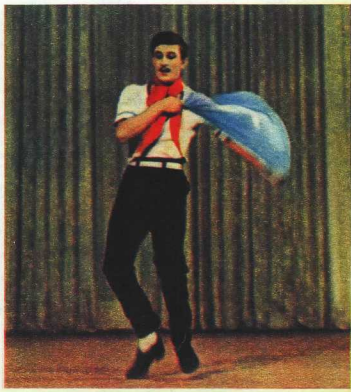
Я волнуюсь. Очень волнуюсь. Иди и весь зал — сотни пар глаз, — неотступно следи за человеком на сцене. Еще несильно смущен тишиной и вот вдох облегченней, а затем гром аплодисментов наполняет зал театра. Номер окончен.

Только что зрители были свидетелями необычайного зрелища. Они видели то, чего до сих пор не видел ни один человек в мире: артист стоял... на пальце! Да, на одном, удивительно пальце.

Так вот каковы они, человеческие возможности! Но слушай минуту зрители, предстоит увидеть еще более невероятный трюк...

Артист подходит к вертикальной штанге. Он дотягивается до ее верхнего конца и опускает на него ладонь правой руки, а левой — пудовая гиря. Артист начинает медленно подтягиваться наверх параллельно штанге до тех пор, пока правая рука не опаздывает на уровне пояса. Неудивительно, легкое движение — и тело, как стелька, всдвигается вверх, как бы проделывая собой вертикаль штанги. Артист балансирует, стоя на одной руке на верхнем конце

«Если парни всег земли...» — так называется танец, который исполняют братья Сазоновы.

ТЪ ДЛЯ

штанги, в другой — пушвал гьяр...

Если бы искусство артиста можно было фиксировать как спортивные достижения, то исполнителя этих тансов Геннадий Попов был бы абсолютным мировым рекордсменом. Впрочем, можно считать, что так оно и есть — у Геннадия Попова нет соперников. Ни одному акробату в мире не удавалось сделать ничего подобного. Больше того, это считалось невозможным.

Итак, в советском эстрадном искусстве появился феноменальный артист. А всего несколько месяцев назад Геннадий Попов, как и остальные сорок шесть его товарищей, был учеником Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства. Это ее первый выпуск.

В начале года появилось первое в стране учебное заведение, готовящее артистов эстрады. Когда были начаты объявления о конкурсе, со всех концов страны в адрес еще не существующей мастерской полетели тысячи писем. В основной массе участвия молодежи художественной самодеятельности, люди самых разных профессий. Руководители будущей мастерской

Это народный номер. С помощью наимоднейшего джаза монахи Ватикана зазывают верующих в лоно церкви.

Маргарита Сузорова поет о любви.

Юмор — главное качество этих удивительных акробатов — В. Порхун и В. Невердинова

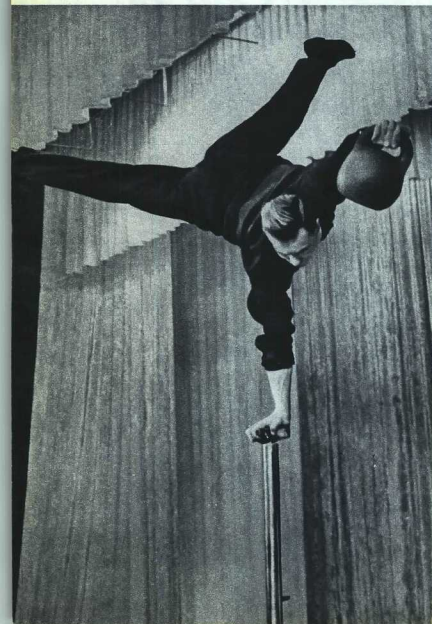
О пантомиме расскажет только пантомима. Увидев А. Елизарова, вы поймете, насколько красноречива этот бранный вид искусства.

С. Каштелян и Л. Маслюков провели огромную подготовительную работу, просмотрев и прослушав полторы тысячи претендентов. Сорок семь из них получили право на звание студийца.

Начинать пришлось, с нуля, — в творческом арсенале мастерской не было ничего, кроме способностей ее учеников. Ученикам самостоятельности всего за девять месяцев предстояло стать профессиональными эстрадными артистами. А для этого еще недостаточно умения отлично петь или танцевать. Настоящего эстрадного

Скучать не приходится и во время перерыва на репетиции.

Номер Геннадия Попова поражает не только зрителей, но и привыкших ничему не удивляться артистов. Еще бы, ведь этого не делал ни один акробат в мире!

Автору веселой музыки Н. Пескову приспичу задумчивость.

артиста определяет неповторимый, единственный в своем роде номер. Поэтому программа обучения в мастерской была поставлена конкретно и точно: определен профиль, каждый студент под руководством преподавателя «работал на свой номер».

Насколько оправдала себя эта система, можно было судить уже через несколько месяцев. Пятюро студийцев в составе художественной группы стали участниками Всемирного фестиваля молодежи в Хельсинки.

Братья Валерий и Геннадий Сазоновы, которые теперь открывают программу танцев «Если парни всей земли...», показывали свое искусство в Финляндии. Недалеко учащиеся Воронежского энергетического техникума, братья Сазоновы поновили участником фестиваля красивыми, необыкновенно темпераментными и мастерски отточенными танцами. В нынешней программе

и их репертуару прибавился еще один великолепный номер — «Будинский танец». Гладя, как Сазоновы исполняют его, поражаешься, насколько выразительным может быть язык хореографии. Танец очень точно передает образ революционной Кубы, — от него исходит позитивность, истинная молодость и прекрасная по своей неподдельности романтика.

Записывая участником фестиваля молодую советскую певицу Маргариту Суворову. В безымянном на сколько дней ей пришлось дать множество концертов. Очень часто они происходили стихийно и в местах, мало приспособленных для выступлений. Иногда не было необходимого для номера пианино, тогда его заменял обыкновенный заводской. Репертуар певицы весьма многообразен. Обладая великолепным — чистым и сильным — сопрано, Маргарита Суворова показала себя артисткой именно эстрадного маэтра. Ее номер в программе, помимо высоких вокальных качеств, обладает яркими и драматическими достоинствами — тем, что и определяет большое эстрадное искусство.

Говоря о других студийцах — участниках фестиваля, нельзя не вспомнить о Шури Стрельченко. Амплуа «русской певицы» всегда привлекает слушателей других стран мира. Но, конечно, не национальная экзотика оправдала успех молодой советской певицы на Всемирном фестивале молодежи. В ее песнях звучит широта и лиризм русской природы, казодный юмор и тихая задумчивость русских мелодий. Можно закрыть глаза и слушать, можно представить себе сполохную задумчивость летних вечеров на Волге, буйные веселые разливы русских рек, шепот золотой пшеницы под полевыми ветрами, ярние, праздничные деревенские хоры. Выступление Шури Стрельченко — подлинное украшение программы.

Познавал, каждый номер студийцев достоин того, чтобы сказать о нем особо. Но главное в том, что в продолжение всего вечера зрителю не приходится скучать (в это, надо сказать, не так уж часто встречается на наших эстрадных представлениях).

«В жизни раз бывает восемнадцать лет» — первая программа, созданная выпускниками Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства. Насколько она интересна, можно судить по тому, что именно этой программой молодого коллектива открыл сезон Государственный театр эстрады. Надо думать, что первая программа не будет последней. Во всяком случае, начало есть. Хорошее начало!

Станислав МЕЛЕШИН

РАССКАЗ

Большая желтая лампа Будато палама в комбинатной полутьме, раскиная пятны светла на угам чертэгоного стола, зажегшая кнопочки.

Федор любиа толька настояльный свет. Он считаа, что помылый свет отвыкает. С некоторых пор он глаа говорить: Катэ.

— Уйди. Ты мне мешаешь.

На ее вопрос: «Почему, ведь я тихо сижу рядом» — он сконфузено объяснил:

— Ты меня отвлекаешь. Сидишь рядом, и я думаю о тебе, а не о работе. Жаль, что у меня толька одна комната.

Катэ всегда уходила на кухню и, чтобы не запалать от обиды, снова перемывала посуду, или долго смотрела в зеркало, приводила себя в порядок, или просто туло глядела в окно.

Сегодня Федору было не до нее. Он пришел с завода шумный, веселый, сбросил пальто, вынул куртку в прихожей, поцеловал Катэ в обе щеки и, махнув рукой на ее слова: «Котлеты остынут», — сразу же сел за свой широкий рабочий стол, достал из футляра чертэж.

Сегодня она ему не мешала.

Катэ полулежала в кресле и читала скучную местную газету, изредка наблюдая за ним и слушаа его бормотание.

На этикетке в углу строчка, как кузнечик, пугавый самодовольный бумдластик, а рядом чужезыная стипендия блемария, раскинуа руки, как черная птичка, безнадежно старалась взлететь.

— Понимаешь, к нам на завод приехала из Талла делегация... И надо кое-что посмотреть, продумать. В мартовском цехе шум... Надо подготовиться.

Все это он говорил, не оборачиваясь в ее сторону, говорил как бы самому себе.

Она согласно кивала: «Понимаю, понимаю» — и ждала, что он возьмет ее в разговор и расскажет подробно, что это у них в цехе за шум и почему он сегодня как одержимый. Может быть, потому, что делегация приезжает не каждый день, что у них соревнование и теперь Федору нужно что-то вспомнить, уточнить, подготовиться!

Но Федор читал чертэж, чертила что-то под линейку, сверял цифры и, казалось, совсем не замечал ее.

— Почему ты не спишь?

Катэ засмеялась, взглянула на буддластик: девять вечера.

За окнами мела поземка; ветер хохотал форточкой; лязгнуа фырча моторами, шла машина, и тени на стеклах жужжо били землю. Яркие пятна света от фар надувалиа дорогу, и в лучах сыпалась и хружелась жваый свет. Федор, чем-то недовольный, откинулся на стуле, затерла глаза птерней волоса. Это опять сломался карандаш. Или он опять ищет какую-нибудь бумажку. Крупный и лобастый, он почти загоразжила собоо стол, тыл от него, размышилась и локмания, на полостенях закрываа заискусствских трех ботетарей, а зводно я блемариу, тотелую клетать. Стараясь не шевелеть газетой, Катэ уже несколько раз перепытывала заголовки и информации о том, что солу нужно больше отличной техники, что весна не ждет и необходимо зарание подготовиться к ееу, что на собоо важной строике готовит к пуску новую мощную электроставляемывающую печь, а работы по устройству автоматической сигнализации затвугунася и медялеть больше нельзя. В Конго опять неспокойно, и те поиньше все хитросплетения, будто набросались всепоки на Крестулу Шалопуку. На Кубе Фидель Кастро вновь разоблачает прокляа Америку, провадет захват о ебешей трамвоинности.

Но все это там, за окном, за форточкой, за степью, горами, морями — в большом мире, а здесь ее, Катэ, Федор, еще не муж — ее любимый

человек. Он тоже неспокойн, варит сталь, востроужожон — ведь привелаа какая-то делегация к ним на завод... Вот бы все миллионы безработных на земном шаре устроили на работу по заводам в нашей стране!

Катэ стало приятно от этой мысли: не часто они, такие, приходят ей в голову. Она ведь тоже хоть и при любимом человеке, но как безработная, потерянная и, что странно, никчемная.

А когда-то все было другим. Это тогда, когда она была девочкой и им черта не понимала, просто восторгалась и думала, что все люди на свете будут самыми счастливыми, а уж она-то наверняка! Росла красавицей, жизнерадостной. Еще учась в десятом классе, играла в любовь, но отвергла сашиком настоящие увлечения. Поудути загадываюа будущее, беспорядочно выбираа институты, пущукаюа о сердечных тайнах.

Катэ подсаживалась над ним, а сама тихокомую грустила, что у нее даже нет радостных воспоминаний, кроме школьных лет, экзаменов на аттестат зрелости, лет...

Она никого не отменяла среди своих ребят по школе, среди знакомых, все ждала: однажды встретит ей особый человек, увлечет ее, увезет в другой, радужный мир. Уж она-то сумеет его полюбить. Она станет знаменитой актрисой, ну хоть на весь мир, как Татьяна Самойлова, и ее имя будет у всех на устах.

Во Дворце культуры руководелеа кружка художественного слова Чуприн хвалил ее, когда она читала стихи и отрывки, говорил, что у нее огромные способности драматической актрисы, и странно моргал глазами, когда смотрел на нее, учил, похваляа, как надо при чтении стоять, двигаться, жестикоуправлять, брал за руки, плечи, за подбородок...

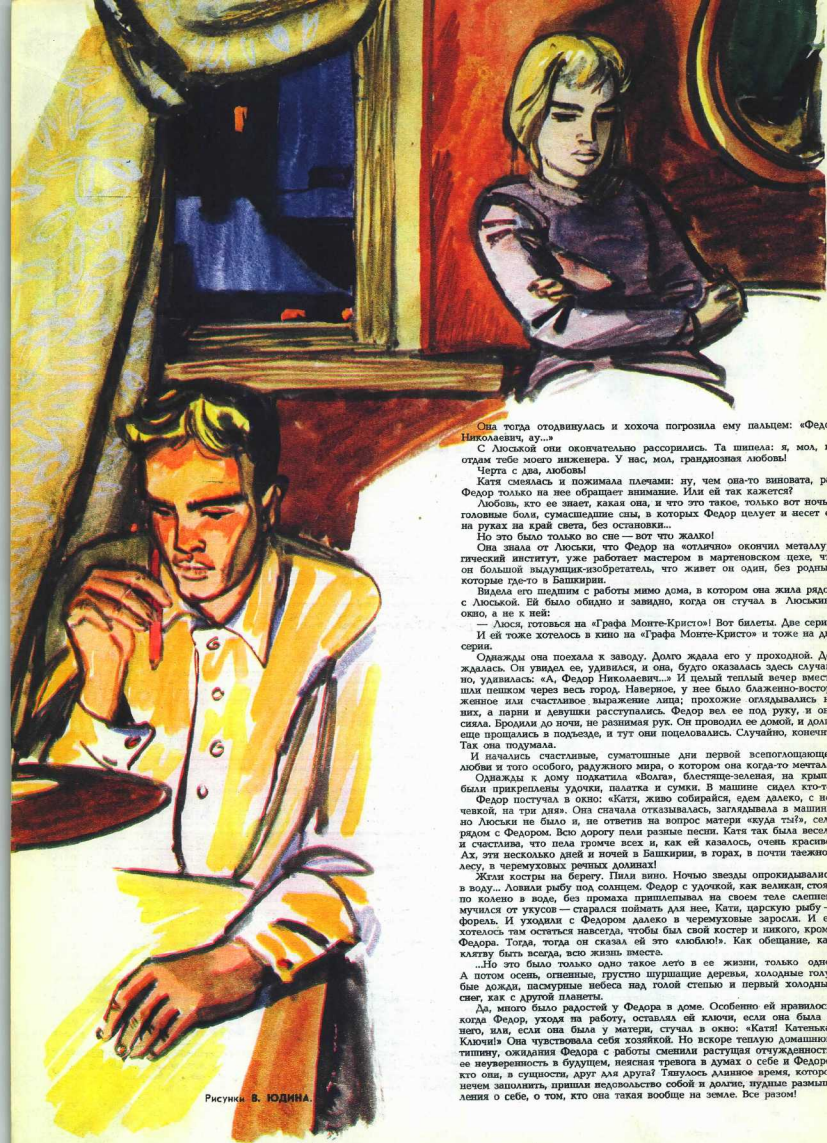
И вот укатана в Москву, в театральны институт, с уверенностью, что ее там толька и ждут, такую талантливую.

Самы не знает, как жила: училась чемында. Мазнула рукой, мол, чепуха, она ведь будет актрисой, хоть и жалко ей было нового платья с белым воротничком и маминих денег. Она читала Островского на этих прокатных приемных экзаменах. Читала монолог Липы: «Хорошо бы дом жемень!» И еще Толстого про Анну Каренину, когда те бросалась под поезд, а еще по-глупому басно Крылова «Тролженикер. Ова сразу нояная, что провалалась: известный народный артист в комиссии отвернулся, когда она, Каренина, так громко хотела броситься под поезд. Поняла, и ей действительно захотелось броситься под поезд.

Под поезд, она, конечно, не бросалась, он все ее обертано в радной город, хоть и было стыдно, и спать не хотелось, и камаалась, весь город будет показывать на нее наплаыми и называть душой. Матери сказала, что очень жестокий контурс, и это действительно так было, а сама ренила полюбкать якулю-нибудь работу, переждать год, чтобы потом попласть в актерсы навороника, бы дураком.

А тут — Федор! Сразу забуваа, когда встретила подурту Люску вместе с ним. Катэ сразу отменяла, что он какой-то особенный, не похожий на других и что Люске он, ну, совсем не пара, хоть та работет лаборанткой на заводе, и является своей самостоятельностью. Она ренивала Люску к нему, хоть и не подавала виду, и тоже хотела подкрывать рубку, как подурта, но раздумываа: она и так красива!

...Лето было знойно. Плял шило под навесом, шли за город в степь, к подсаюкам, к реке. Люскеа протелался в засохших подсаюках и кричала призывно: «Федя, ау!», — а он находил почему-то ее, Катэ, брал за руку, а однажды она.

Она тогда отодвинулась и хочота погрозила ему пальцем: «Федор Николаевич, ау...»

С Лоскиной они околбательно рассорились. Та шипела: я, мол, не отдам тебе моего инженеру. У нас, мол, грандиозная любовь!

Черта с два, любови!

Катя смеялась и пожимала плечами: ну, чем она-то виновата, раз Федор только на нее обратит внимание. Или ей так кажется?

Любовь, кто ее знает, какая она, и что это такое, только вот ночью головные боли, сумасшедшие сны, в которых Федор целует и целует ее на руках на край света, без останков...

Но это было только но сие — вот что жалко!

Она знала от Лоскиной, что Федор на «отлично» окончил металлургический институт, уже работает мастером в маргеновском цехе, что он большой изобретатель-изобретатель, что живет он один, без родителей, которые где-то в Башкирии.

Видела же шедшая с работы мимо дома, в котором она жила рядом с Лоскиной. Ей было обидно и завидно, когда он стучал в Лоскино окно, а не к ней:

— Лося, готовься на «Графа Монте-Кристо!» Вот билеты. Две серии. И ей тоже хотелось в кино на «Графа Монте-Кристо» и тоже на две серии.

Однажды она поехала к заводу. Долго ждала его у проходной. Дождалась. Он увидел ее, удивился, и она, будучи оказалась здесь случайно, удивилась: «А, Федор Николаевич...» И целый темный вечер вместе шли пешком через весь город. Наверное, у нее было блаженно-восторженное или счастливым выражение лица: проходила оглаживалась на них, а ларин и девушка раступались. Федор вел ее под руку, и она сияла. Бродила до ночи, не разнимая рук. Он проводил ее домой, и долго еще прощались в подъезде, и тут они подолевались. Случайно, конечно. Так она подумала.

И началась странная, суматошная дни первой всепоглощающей любви и того особого, радужного мира, о котором она когда-то мечтала.

Однажды к дому подкатила «Волга», блестяще-зеленая, на крыше была прикреплена удочка, палатка и сумки. В машине сидела кто-то.

Федор постучал в окно: «Катя, живо собирайся, едем далеко, с ночевой, на три дня». Она сначала отказывалась, заглядывала в машину, но Лоскино не было и, не ответив на вопрос матери «куда ты?», села рядом с Федором. Всю дорогу пели разные песни. Катя так была весела и счастлива, что пела громче всех и, как ей казалось, очень красиво. Ах, эти несколько дней и ночей в Башкирии, в горах, в почти таежном лесу, в черемуховых речных долинах!

Жгли костры на берегу. Пили вино. Ночью звезды опрокидывались в воду... Ловили рыбу под солнцем. Федор с удочкой, как вояка, стоял по колено в воде, без промаха приплетывая на своем теле сапленый, мучился от укусов — старался поймать для нее, Катя, царскую рыбу — форель. И уходила с Федором далеко в черемуховые заросли. И ей хотелось там остаться навсегда, чтобы была с ней вместе и обидно, кроме Федора. Тогда, когда он сказал ей это «люблю». Как обидно, как жалко! Быть всегда, всю жизнь вместе.

...Но это было только одно такое лето в ее жизни, только одно. А потом осень, огненные, грустно шуршащие деревья, холодные толстые дожди, пасмурные небеса над голый степью и первый холодный снег, как с другой планеты.

Да, много было радостей у Федора в доме. Особенно ей нравилось, когда Федор, уходя на работу, оставлял ей ключи, если она была у него, или, если она была у матери, стучал в окно: «Катя! Катенька Катенька!» Она чувствовала себя хозяйкой. Но вскоре такую домашнюю тишину, оживления Федора с работы сменяла растущая отчужденность, ее неуверенность в будущем, неясная тревога в думах о себе и Федоре: кто они, в сущности, друг для друга? Тянулось длинное время, которое нечем заполнить, пришла весть о себе и долгие, нудные размышления о себе, о том, кто она такая вообще на земле. Все разлом!

«Федя, когда мы поженимся?», или «Федя, когда у нас будет свадьба?», или «Федя, когда мы оформим наши отношения в загсе?»... Надо ждать чуть от него.

Сегодня она уйдет. Пусть начнется все сначала. Да, сначала, как у людей. Уйдет — и все. Пусть он еще добудется, если, конечно, любит и если она нужна!

Повезло Федору, раскрасневшемуся, ворот рубашки расстегнут, спит. — Судары, аучка, чаю давай. Ты чего кукусишься?

Катерина выдохнула: «Ах!» — и, уткнув в камень лицо, зарыдала, не сдержавшись. А когда он шутливо и растерянно похлопала ее по плечу и со смехом спросил: «Эй, ты что?» — оттолкнула его зло, решительно. А когда он сматывал ее за руку: «Не дери, у меня гости», — вырвалась, ахалоно легонько шлоушила его по шее и, нагнув плато, выбежала на улицу, где-то в глубине души надеясь, что он бросится за ней, догонит, приведет обратно. Но он не догнал.

Да, он не догнал, не бросился догнать, ведь нельзя же оставить гостей, а потом объяснить им, что она похитонито отчего вдруг раскраснчалась.

Хорошо, что никто не видел, не слышал, не заметил ни слез, ни пощечины, ни ее ухода.

Да, он не догнал, он сашком любит себя и своегосте, и свой завод и свою работу, свою сверхъзаумную сталь — сашком любит, чтобы бросился за ней. Кто ты для него? Никто. Ты даже на его внимание не имеешь права, не то что на любовь.

Катя, уткнув в стуробу, шла заторопливо к себе домой. Отги в горло уже полагал, кроме витрины универсамата и магазинца, в светле короткой мелкады торопались тени заторопившихся прохожих и неторопливо — сторожей. Сашмался приглушенный шум завода за дамбой и отчаянная ночная песня подызывнивших где-то за дамбой:

Шаи они рука в руке
Весело и дружно...

И это оскорбительное соседство «весело и дружно» провозжало ее до самого дома.

Он пришел ночью. Сначала постучал в окно. Рыльце, вызывая погулять, он всегда стучал мелкими «Фя, даа, три четыре, пять» — вылезал зыбчик погулять, — а сегодня стучал нетерпеливо и громко. Катя уже лежала в кровати и не отвечала. Путь поперинчался. Интересно, как он будет себя вести, что говорить... А что ей делать? Вот так делать — я все! Сейчас мама уже отскрет дверь... Открыла... Надо послушать, о чем они будут говорить...

Катя встала, нагнувша голову, крадушась, подошла к двери. Она знала, что Федор ныл, что он будет бескомпромисс перед ее матерью. А она, Катя, боком спит сейчас, ночью, у двери и подслушивает.

Вот голос гордый и властный. Это мама.

— Она спит.

«Как же! Я усну...»

— Простите... Извините... Но... Это очень важно... Катя...

Сейчас голос мамы:

— Вы слыше.

А Федор говорит:

— У нас были гости.

«Ах, какая мама! Это она говорит!» Хоть бы пригласила раздеться, сесть...

— У вас были гости. Не пойму я, а кто вы Катя?

«Смешной, любимый Федор, опешла».

— Как это? Катя — моя известна.

— У добрых людей известна дома сидят.

«Мама, ну зачем так?»

— Ну... извините меня, простите... Прошу, разбуйдите ее.

«Меня, знаку, разбуйдите...»

— Не буди, молодой человек. Ночь уже.

«Ох, мама, мама, ну зачем так?»

За дверь было слышно, как Федор качнулся, заторопился и сказал с обидой и бешало:

— Вы всегда не любите меня. Конечно, Катя ваша дочь.

Мама перебрала:

— Я вас плохо знаю, Федор Николаевич.

— Да. Плохо. Катя на меня сердится.

Мама проговялет его:

— Идите домой. Отдыхайте.

А как же Катя?

— Она сама решит.

— Да, конечно. Извините. До свидания! Эх!

...Катя сломала так жизнь Федора, что теперь ей хотелось бежать за ним, догнать его. «Попробуй догони!» Подожжайте... А что? Я-то какой человек! Пустой, ничемный, неприкаянный... Тут и сейчас скажу на эту ступу с помянутой ножкой и буду думать о себе. Вот какая проблема с отцом немного и родила меня. И тоже кого-нибудь рожу...»

Катя ощущала свой живот. Она уже знала, что беременна. Ведь не зря и послезавтра пришла ее мучимая стража. Она боялась высоты, когда человек может упасть и разбиться, но хотела лететь, как птица. Боялась воды, океана, глубины, но хотела плавать, как рыба. Боялась огня, тяжести и холода. Мало ли чего она боялась!

Катя посмотрела на свой клатч и вдруг подумала, что так дальше жить нельзя!

А как жить?

— Думай, Катя, думай...

«Мама завалила меня присутствием. Ну да, конечно, я такая. Домашняя. Не у дела. Все дни у меня прохлает джон и нечем их запомнить. Я могу пойти на работу, устроиться хоть куда-нибудь».

Думай, Катя, думай...

Катя бросилась на хрывать.

Утром пришла Алюшка: Федор уезжает в Нижний Тагил. Иди. И вот пошла, поехала. На вокзал, к Федору. Мама укладкой посмотрела и вздохнула.

Какой-то поэт сказал, что разлука живет на вокзалах... Этой ночью тяжело валила снег, и к железным оградам навалились стуробы. Они тонко голубые, пахнут травой и холодами...

Скорый бы поехал на трамвай!

«Трамвай бы полон. Катю крепко пригиснула боком к кабине вожатого; от ноги боком стукнулся язык чешмандов.

У вокзала все сходило. Катя и не заметила, как вешнула спешащие пассажиры, вытаскивая прямо в белое кружение снега, в синий алюшский голосок, шаркающие шаги и шлоуша. Снеговале хлопало лешиво ладаль, шлоушало за шалью, лепилась на плечи, на лицо, на ресницы.

Она торопилась, беспокойно полагаясь на людей. Их было много около машин, автобусов, на стоянке такси. Сказав плелуся снежок увидела замены крыши вагонов, образовалась: значит не сподожла, где-то там, и чтобы или на первом, она увидит Федора. Ей обязательно надо его увидеть и чтобы он обязательно ее увидел. Ведь должно наконец что-то решиться, ведь не может он просто так уехать, не увидев ее и не поговоря, не простившись. Ведь он — Федор! Ей казалось, что он не просто уезжает, а насмевся. А тогда он не узнает о том, о чем шлет она... Он должен об этом узнать, пусть с отгорчением, а может быть, с радостью. Да, хорошо бы с радостью. Тогда будет все поинтио, тогда будет все чудесно, великолешно и прекрасно. А это еще!

Еще она ей будет жалеть... Жалеть... Нет! Она, конечно, будет жалеть его приехать, и чтобы он сам первым приехал к ней, а не дом.

Катя увидела его на первом, в кругу друзей. Федор стоял к ней спиной. Подошла, тронула за рукав. Он обернулся, намурился.

— Ты!

— Да, это я.

— Вот, Катерина... Я уезжаю в Нижний Тагил. Делегация.

— Ты молодец, Катя, что приехала. Молодец!

Они зашагали по перрону. За руку не взяла. Под руку тоже. Остановились у ограды. За ней навально стуробы. Снег падал хлопками, будто белые платки, летел, словно некуда этому чистому, белому снегу деваться в небо.

— Федя.

— Посмотри мне в глаза.

— Смотрю. Я виноват перед тобой.

Катя было припнито от этих его слез. Она подумала: вот сейчас скажу ему о том, что теперь он будет любить не только ее одну...

Не сказала. А сказать ой как нужно!

— Почему ты тогда ушла?

Катя заплакала.

— Я не знала. Мне показалось, что я тебе в тягость, что ты меня просто... Ну, не люби.

Федор схватил снег с ее плеч и твердо проговорил:

— Ты, Катя, так не думай. Не плачь.

— Не буду, Федя. Я испугалась... Подумала, что ты разлюбил, бросил меня, а я ведь теперь не одна. Я рожу тебе сына...

Катин глаз баштел от слез и от подтаившего снега на ресницах.

— Ну вот и хорошо. Ну вот и отлично. Теперь нас трое. Да, Катюша!

Голос его был растерянным и дрожал. Наверное, ей показалось. И так уже она столько переудала о нем и хорошего и плохого.

— Мы... будем жить тебя, я, Федя, и работать пойду и все-все буду делалы!

Федор смеялся, счастливый, прижимался щекой к ее щеке, говорил, мурчалка что-то ласково, забыв о том, что нужно идти в вагон. Ехать ему, наверное, не хотелось. Или ей опять показалось?

— Видно, он очень ждал ее. Вот даже клочок держит в руке!

— Сашмашин звонок? Это тебя клочок друга за тумбуря. Послени...

Иди, Федор.

Федор поправил у нее шарф, поцеловал прямо в губы, отпрыгнул, горчико и побежал к вагону. На бегу он неуклюже взмахивал клочком, а потом сунул их в карма.

Вот он склизился за поручи. Катя побоялась вровень с отходящим поездом, провела с его вагоном. Снег перестал падать. Колеса скрипели.

Думала, услышит: «Катя, Катенька Катюша!» Как раньше...

Думала, Федор выбросит руку вперед. В воздухе мелькала светлая серебристая комочко и упалет к ее ногам. На комочке — три клочка. Два белых, тяжелый — от джонки, второй — от английского замка, а третий, самым маленьким, — от почтового ящика, в котором не умещаются газетки и журналы.

Но Федор висел на подножке, обняв руками оба поручи, и смотрел на Катю, прищурившись, сосредоточенно, большой, тяжелой, и она боялась, что поручи оторвутся, а еще боялась разрядиться.

Она стояла одиноко, со слез, но гордой улыбкой, стояла долго и все смотрела влад уходящему поезду, который уносил Федора далеко, в Тагил. И когда поезд уже стало не видно, только паровозный дым повис над одинокой будкой стрелочника, Катя пошла задумчиво, не торопясь, мест стуробы, по тропе, проптанной алюдами.

Стуробы эти и сейчас пахли травой и холмом.

Одно ступило в проклате стуробы, как стуробы аканий прытали краснотурдые стуробы, и от них на белом снегу отражались розовые пятнышки отсвета.

Катя задумалась, что стуробы! Они растут, а вперед-то еще целая жизнь!.. Да, жизнь, в которой стуробы растают...

ЦЕЛИНА, ЦЕЛИНА ЗОЛОТАЯ!

Слова Елены ВАЛИНОЙ.

Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Поезд запыленные ленты,
В песнях — юная наша любовь...
Провожала столица студентов
Убирать урожайную новь.

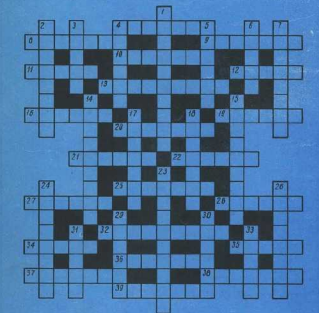
Поезд песню поет увлеченно,
В ней слова о родной целине,
Как с зорким налитым шеленом
Вслед за нами летит по стране.

Припев: В степях Кулунды и Алтай
Мы спать научимся без
Целина, целина золотая,
Бесконечное море хлебов!

Припев: Сладко спится любимой на полях,
Не разбудит девичью гармонию,
Разметалась пыльная целина,
Под щедро — в мозолях ладонь.

Там играли ночные зарницы,
В небе радуга красила мост.
На заре размыла росицы,
Ты их вновь не смыкала до звезд.

Припев: В степях Кулунды и Алтай
Мы спать научимся без
Целина, целина золотая,
Бесконечное море хлебов!

КРОССВОРД

Составил В. БАЗЛОВА
(пос. Фарино,
Московской области)

По горизонтали:

- Народный художник СССР. 8. Республика в Африке. 9. Область в центре в Узбекистане. 10. Специализированное предприятие по исследованию атмосферы. 11. Исходный корабль. 12. Часть реактивного двигателя. 13. Тарелка для перевозки грузов. 16. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Иди Вани!». 18. Радиоаппаратчик советских кораблей-спутников. 20. Музыкант. 21. Агитационное проведение изобразительного искусства. 22. Остров в Баренцевом море. 25. Оператор Вексельман. 27. Кошмарная оушная. 28. Другая морская птица. 32. Советский художник-наристурист, рисующий под микроскопом пейзажи. 34. Спутник Сатурна. 35. Автомобиль. 36. Океанская глубоководная рыба. 37. Озеро в Варакинской степи. 38. Автор пьесы «Город на заре». 39.

Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

По вертикали:

- Строительный материал. 2. Марка трактора. 3. Ценная пушная шкура. 4. Герой Отечественной войны 1812 года. 5. Автор оперы «Дон-Григор». 6. Диплом ученика. 7. Город в Целинном крае. 14. Действующее лицо в произведении А. П. Чехова «Человек в футляре». 15. Музыкальные пассажи, украшающие мелодию. 17. Металл. 18. Союзная республика. 23. Англиеме, автор первого советского учебника по горным машинам. 24. Ученая степень. 25. Устройства для плавного изменения скорости механических машин. 26. Сосок промыслового рыболовства. 30. Струна виолы виолончель. 32. Старинный город в Восточной Сибири. 33. Тригонометрическая функция.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

- Песехин. 11. Паллада. 12. Шапурин. 13. Пленаризм. 14. Снедь. 15. Орлан. 17. Маджар. 20. Маневра. 22. Угольник. 24. Магнитовое. 25. «Отрочество». 27. Рамбуль. 30. Цинквалев. 33. Дрезина. 36. Породжан. 38. Воллардан. 40. Новостройка. 41. Унция. 42. «Ванна». 43. Тайга.

По вертикали:

- «Потпова». 2. Конфранс. 3. Кислица. 5. «Фатима». 6. Пауль. 7. Рапа. 8. Янша. 9. Поррей. 10. Фигаро. 16. Носыль. 17. «Иандреда». 18. Странд. 19. Плечини. 21. Иегов. 23. Кутум. 26. Эзенштейн. 28. Аллолон. 29. Бродский. 31. Алансевич. 32. Егорьян. 34. Рангоут. 35. Немцова. 36. Нипоот. 37. Клеонда.

Спартакская тройка... Очерк о ней вы можете прочитать на 30—31-й страницах этого номера журнала. А на снимках А. Бонинца вы видите спартакоскую тройку в игре.

Верхний снимок: братья Борис и Евгений Майоровы, выступая в составе сборной СССР, атакуют ворота команды Швеции.

Средний снимок: стремительный прыжок Вячеслава Старшинова. Пикный смейсис и вертуны «Динамо» устремляются килтан спартакосца Борис Майоров.

Наконец, на снимке внизу слева запечатлен момент, когда первая спартакоская тройка нападения со своим тренером Александром Новокрещеновым обсуждает план предстоящей игры.

